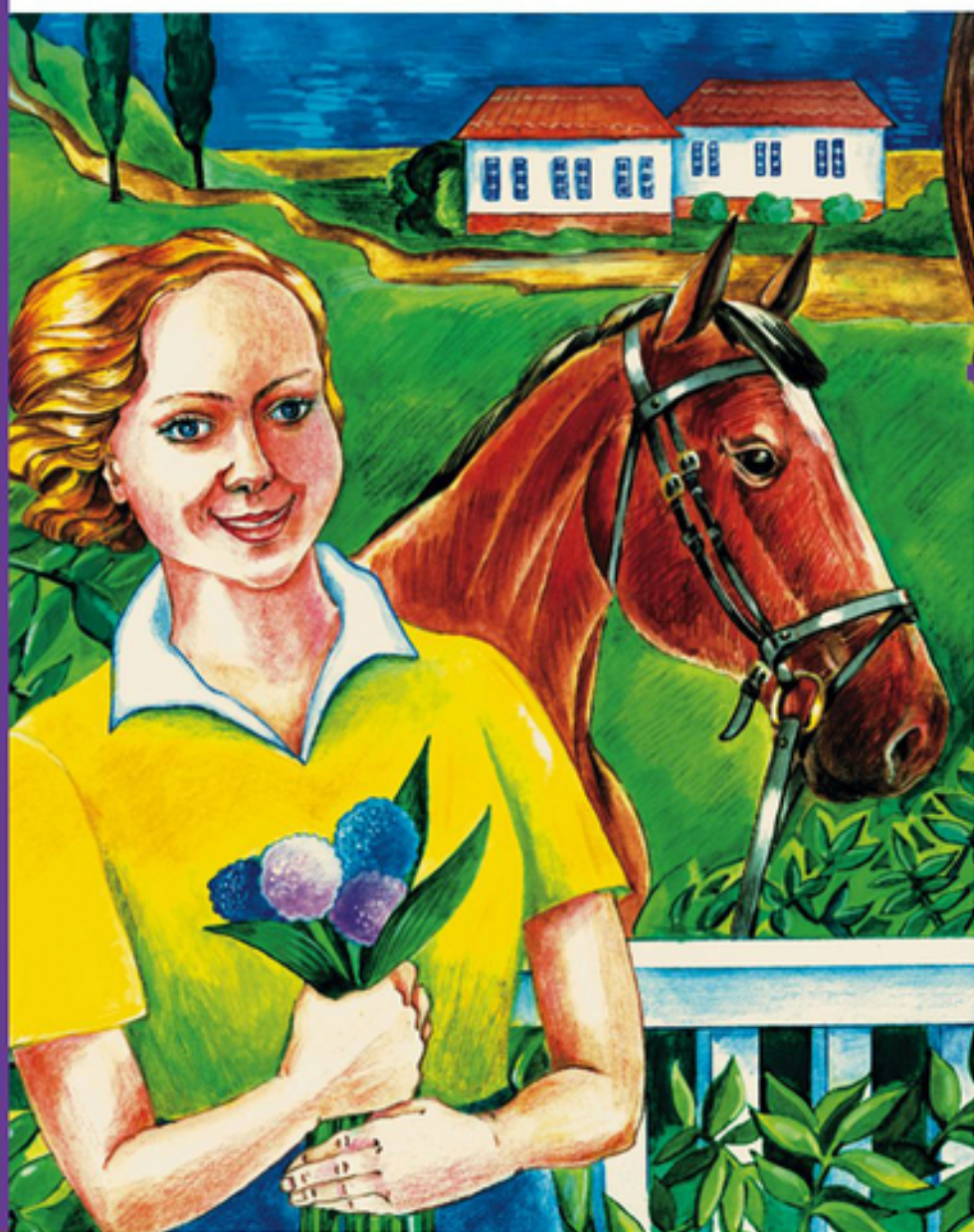

ЧЕТВЕРТАЯ ВЫСОТА

АСТ

ЕЛЕНА
ИЛЬИНА

АННА

Елена Ильина

Четвертая высота

«АСТ»

2014

Ильина Е. Я.

Четвертая высота / Е. Я. Ильина — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-049762-1

Эта книга – об удивительной судьбе твоей ровесницы, прожившей недолгую, но интересную и мужественную жизнь. Эта книга – о знаменитой Гуле Королевой, талантливой актрисе, прославленной героине Великой Отечественной войны и просто обаятельном, чутком и мудром человеке, для которого понятия любви к Родине и человеческого достоинства были не просто высокопарными фразами, а истинным и естественным смыслом всей жизни. Обязательно прочти эту книгу! Ведь жизнь каждого человека это и есть открытая книга. А тем более жизнь столь незаурядной личности, какой была Гуля. Книга, написанная Е.Я. Ильиной (1901–1964), впервые вышла в свет в 1946 году и с тех пор выдержала много изданий.

ISBN 978-5-17-049762-1

© Ильина Е. Я., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

К моим читателям	5
Огонек	8
Трехлетняя артистка	9
Слон и Гуля	11
Бармалей приехал!	13
Голубое ведро	14
Бегство в Испанию	18
«Адам»	20
Первоклассница	22
В больнице	23
Друзья и враги	25
Гуля и Эрик	28
С детьми героев	31
Первая высота	34
Новые друзья	36
Варька и Василинка	39
Гулины каникулы	42
«Только бы не закричать!»	46
История с географией	49
Вторая высота	53
Письма отовсюду	57
Артек	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Ильина

Четвертая высота

*Эту книгу я посвящаю светлой памяти Самуила Яковлевича
Маршака, моего брата, моего друга, моего учителя*

К моим читателям

История этой короткой жизни не выдумана. Девушку, о которой написана эта книга, я знала еще тогда, когда она была ребенком, знала ее также школьницей-пионеркой, комсомолкой. Мне приходилось встречать Гулю Королёву и в дни Отечественной войны. А то в ее жизни, чего мне не удалось увидеть самой, восполнили рассказы ее родителей, учителей, подруг, вожатых. О ее жизни на фронте рассказали мне ее боевые товарищи.

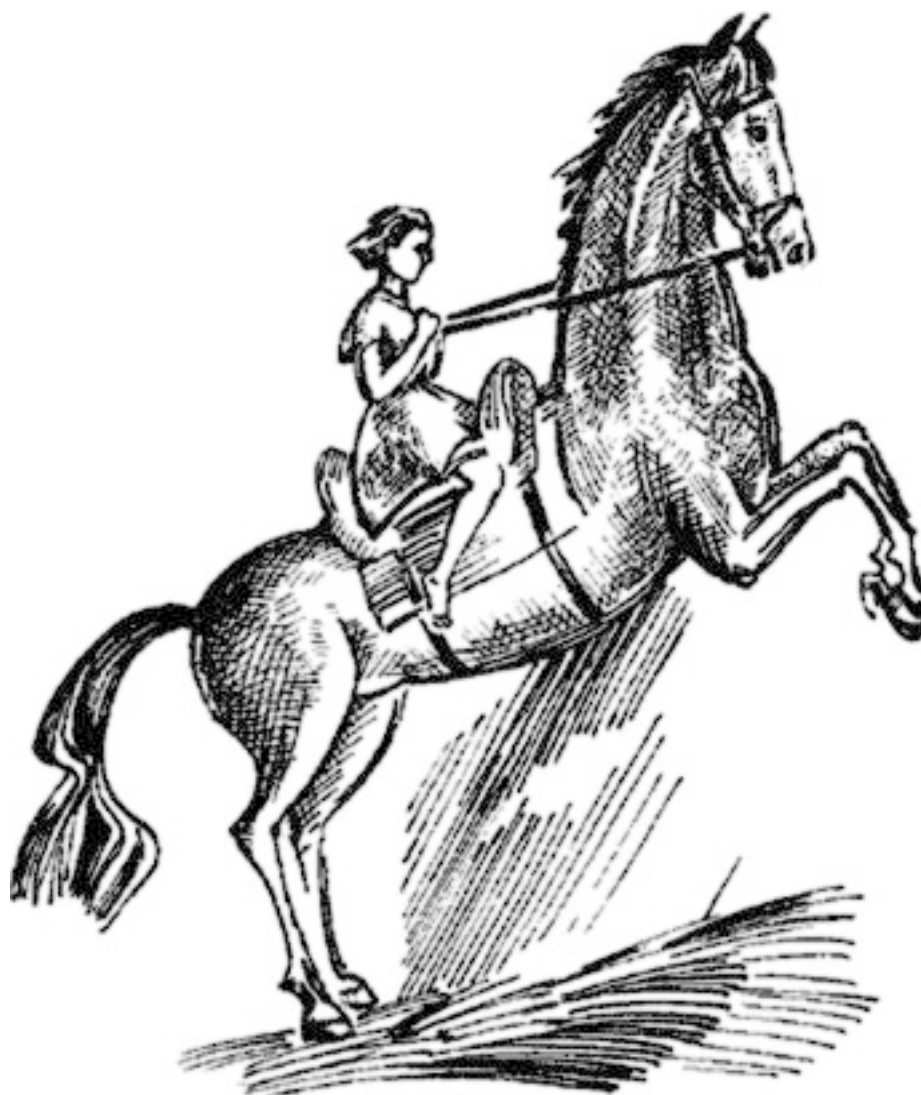
Мне посчастливилось также читать ее письма, начиная с самых ранних – на линованных страницах школьной тетрадки – и кончая последними, написанными наскоро на листках блокнота в перерывах между боями.

Все это помогло мне узнать, как бы увидеть своими глазами всю Гулину яркую и напряженную жизнь, представить себе не только то, что она говорила и делала, но также и то, что она думала и чувствовала.

Я буду рада, если для тех, кто узнает Гулю Королёву по страницам этой книги, она станет – хотя бы отчасти – такой же близкой, какой она была для тех, кто узнал и полюбил ее в жизни.

Елена Ильина

Огонек

– Не уходи, – сказала Гуля. – Мне темно.

Мама наклонилась над сеткой кровати:

– Темнота, Гуленька, совсем не страшна.

– Да ведь ничего же не видно!

– Это только сначала ничего не видно. А потом ты увидишь такие хорошие сны!

Мама укрыла дочку потеплее. Но Гуля снова подняла голову. Девочка смотрела на окно, которое едва светилось от уличных фонарей сквозь синюю штору.

– А тот огонек горит?

– Горит. Спи.

– Покажи мне его.

Мама взяла Гулю на руки, поднесла к окну.

Напротив, над стенами Кремля, реял флаг. Он был освещен снизу и трепетал как пламя. Этот флаг маленькая Гуля и называла «огоньком».

– Видишь, горит огонек, – сказала мама. – Он и всегда будет гореть, Гулюшка. Никогда не погаснет.

Гуля положила голову на плечо матери и молча смотрела на пламя, трепещущее в темном небе.

Мама унесла Гулю в кроватку.

– А теперь спи.

И она вышла из комнаты, оставив девочку одну в темноте.

Трехлетняя артистка

Гулей прозвали ее, когда ей не было еще и года. Лежа в кроватке, она улыбалась всем, и целый день в комнате только и слышалось:

– Гу-гу...

От этого гортанного голубинового воркованья и пошло имя: Гуленька, Гулюшка. И никто уже не вспоминал, что настоящее имя Гули – Марионелла.

Одним из первых слов, которые сказала Гуля, было слово «сама». Когда ее в первый раз спустили на пол, она вырвала руку, закричала:

– Сама! – покачнулась и пошла. Она сделала шаг, другой и шлепнулась вниз лицом. Мама взяла ее на руки, но Гуля сползла на пол и, упрямо передернув плечами, снова затопала. Ее несло все дальше и дальше, из одной комнаты в другую, и мать едва поспевала за ней.

Гуля росла. Все увереннее топала ее ножки по комнатам, коридору и кухне, все шумней становилось в квартире, все больше разбивалось чашек и тарелок.

– Ну, Зоя Михайловна, – говорила Гулиной матери няня, приводя Гулю домой с прогулки, – много вынянчила я ребят, а такого ребенка сроду не видала. Огонь, а не ребенок. Сладу никакого нет. Как сядет на санки, так и не снимешь с них. Десять раз с горки скатится, и все ей мало. «Еще, кричит, еще!» А ведь санки-то у нас не свои. Сколько слез, сколько крику, спору! Не приведи бог такого ребенка нянчить!

Гулю отдали в детский сад.

В детском саду Гуля присмирела. Дома, бывало, она ни минуты не посидит спокойно, а здесь она целыми часами сидела тихо, молча и лепила что-нибудь из пластилина, для которого придумала более короткое название – лепин.

Ей нравилось также строить на полу из кубиков разные дома и башни. И плохо приходилось тем ребятам, которые осмеливались разрушить ее сооружение. Вся красная от обиды, она вскакивала и награждала своего сверстника такими тумаками, что он поднимал рев на весь детский сад.

Но все же ребята любили Гулю и скучали, если она не приходила в детский сад.

– Она хоть и драчливая, а зато с ней играть здорово, – говорили мальчики. – Она придумывать умеет.

Гулина мать работала в то время на кинофабрике. И режиссеры, бывая у Королёвых, говорили, глядя на Гулю:

– Вот бы нам Гульку в кино!

Им нравилась резвая веселость Гули, лукавый свет ее серых глаз, ее необыкновенная живость.

И однажды мама сказала Гуле:

– Ты сегодня в детский сад не пойдешь. Мы с тобой поедем посмотреть рыбок и птиц.

В этот день все было не так, как всегда. К подъезду подкатил автомобиль. Гуля уехала рядом с мамой. Приехали они на какую-то площадь, где толпилось столько народу, что нельзя было ни проехать, ни пройти. Отовсюду слышался разноголосый петушиный крик, хлопотливое кудахтанье кур. Где-то важно гоготали гуси и, стараясь всех перекричать, что-то быстро лопотали индюки.

Пробиваясь сквозь толпу, мать взяла Гулю за руку.

На земле и на лотках стояли клетки с птицей и садки с живой рыбой. В воде медленно плавали большие сонные рыбы и проворно сновали вверх и вниз маленькие золотые рыбки с прозрачными, развевающимися, будто кружевными, хвостами.

– Ой, мама, что это? – вскрикнула Гуля. – Водяные птички!

Но в это время какой-то незнакомый широкоплечий человек в кожаной куртке подошел к Гуле и, кивнув ее маме, взял Гулю на руки.

– Я тебе сейчас что-то покажу, – сказал он ей и куда-то ее понес.

Гуля оглянулась на маму. Она думала, что мама отнимет ее у «кожаного дяди», но мама только помахала ей рукой.

– Ничего, Гуленька, не бойся.

Гуля и не думала бояться. Только ей не нравилось сидеть на руках у чужого, незнакомого человека.

– Я сама пойду, – сказала Гуля, – пустите меня.

– Сейчас, сейчас, – ответил он, поднес ее к стеклянному ящичку и спустил на землю.

Там, в зеленой густой траве, копошились какие-то длинные, толстые веревки. Это были ужи. Гуля не долго думая вцепилась в одного из них и потащила.

– Ну и храбрая же ты девочка! – услышала Гуля над собой голос «кожаного дяди».

Трехлетняя Гуля и не подозревала, что этот дядя был кинооператор и что ее только что сняли для новой кинокартины.

В те годы на Трубной площади каждое воскресенье торговали всякой живностью. Любители птиц, рыб, диковинных зверушек всегда могли выбрать здесь по своему вкусу и певчую канарейку, и щегла, и дрозда, и породистого охотничьего щенка, и черепаху, и даже заморского попугая.

Кинооператору привезли Гулю на Трубную площадь, потому что в этот день они снимали картину «Каштанка» по рассказу Чехова. В картине этой собака Каштанка попадает на Трубный торг и теряет своего хозяина в толпе взрослых и детей.

Спустя несколько дней Гуле Королёвой прислали из кинофабрики ее первый заработок – два рубля.

Один рубль был истрачен в тот же день. Дома случайно не было денег, и Гулин рубль как раз пригодился на лекарство для самой же Гули.

Другой рубль – большой, новенький, желтого цвета – хранится до сих пор у Гулиной матери. Он спрятан в коробочке рядом с льняной шелковистой прядкой Гулиных младенческих волос.

Слон и Гуля

Гулю взяли в зоопарк.

Она шла вместе с мамой по усыпанной песком дорожке мимо длинного ряда клеток с какими-то толсторогими козлами, баранами и бородатыми быками. Возле высокой железной ограды они остановились. Гуля увидела за решеткой что-то огромное, клыкастое, с длинным, до земли, носом.

– У, какой! – вскрикнула Гуля, прижимаясь к матери. – Мама, почему он такой большой?

– Такой вырос.

– А я его боюсь?

– Нет, не боишься.

– А кто он такой?

– Слон. Он добрый, и бояться его не надо. У себя дома он даже нянчит маленьких детей.

– Возьми его ко мне в няньки! – сказала Гуля.

– Его отсюда не отпустят, – ответила мама, смеясь. – Да и места для него у нас маловато. Целый год после этого Гуля вспоминала большого доброго слона.

И когда наконец ее опять привели в зоопарк, она прежде всего потащила маму к слону. Держа в руках большой красно-синий мяч, она подошла к самой решетке.

– С добрым утром, слон! – вежливо поздоровалась Гуля. – Я вас помню. А вы меня?

Слон ничего не ответил, но наклонил свою большую, умную голову.

– Помнит, – сказала Гуля.

Мама вытащила из сумочки гривенник.

– Смотри, Гуля, – сказала она, – я брошу ему монетку.

Слон пошарил по земле хоботом, поднял монетку, словно кончиками пальцев, и сунул сторожу в карман. А потом схватил сторожа за воротник и потянул за собой. Сторож не мог устоять на ногах и побежал вприпрыжку, как мальчик. Гуля громко смеялась. Смеялись и другие ребята, столпившиеся у решетки.

– Мама, куда слон его тащит? – спросила Гуля.

– Это он требует от сторожа чего-нибудь вкусного. Ступай, говорит, принеси. Даром я тебе свою монету отдал, что ли?

Сторож послушно ушел в соседнее помещение, где была кладовая слона, а слон зашагал не спеша, мягко, неслышно, будто он был в валенках.

– Мама, слон булку любит? Можно ему бросить?

Гуля бросила слону булку. Слон задрал вверх хобот, нижняя челюсть у него отвисла, и булка угодила прямо в пасть.

И тут Гуля увидела, что мяч выскользнул у нее из рук и покатился под решетку к слону.

– Мячик! – закричала Гуля. – Слон, отдай, пожалуйста, мяч!

Слон хлопнул ушами и, зажав мяч хоботом, словно в кулаке, посмотрел на Гулю искоса умным маленьким глазком.

– Ну вот, – сказала Гулина мама, – так я и знала. Говорила я тебе – оставь мячик дома!

Но в эту минуту слон выпустил мяч, и он покатился по земле, стукнулся о решетку и откатился назад, к самым его ногам.

– погоди, Гуля, – сказала мама, – сторож сейчас вернется и достанет твой мячик.

Но Гуля рядом с ней уже не было. Мать быстро огляделась по сторонам.

– Где же это она?

– Ребенок, ребенок в слоновнике! – закричали вокруг.

Мать взглянула на решетку. Там, по ту сторону решетки, у самых ног слона стояла ее Гуля, казавшаяся от такого соседства еще меньше.

Слон пошевелился, и все охнуло. Еще секунда, и широкая, тяжелая слоновья ступня опустится на этот цветной комочек и раздавит его.

– Сторож, сторож! – закричали люди.

Но слон осторожно переступил с ноги на ногу и попятился назад.

Гуля отвела рукой хобот и спокойно подняла с земли мячик.

– Чего вы все кричите? – сказала она, протискиваясь сквозь прутья решетки. – Мама говорит, что слоны даже нянчат маленьких детей!

Домой Гуля шла молча. Мама с ней не разговаривала. Видно было, что она все еще не могла успокоиться после Гулиной проделки.

– Мамочка, прости меня, пожалуйста, – сказала Гуля. – Ты же сама говорила, что я его ничуть не боюсь. Отчего же ты за меня испугалась?

Из глубины парка донеслись какие-то странные звуки, похожие на гудки парохода.

– Это твой слон кричит, – сказала мама. – Вот какой он бывает злой, если его раздражить. А кто его раздражил? Ты! Пожалуйста, в другой раз не лезь без спросу к слонам!

Бармалей приехал!

К большому, широкому подъезду многооконного дома подкатил легковой автомобиль. Это в студию кинофабрики привезли пятилетнюю Гулю.

Накануне вечером к Гулиной матери пришел ее старый приятель, режиссер кинофабрики. На фабрике ставили в то время картину «Бабы рязанские».

– Ради Бога, выручите нас, – сказал он, – дайте нам для «Баб рязанских» вашу Гулю.

И он рассказал, что девочка, которая должна была сниматься в этой картине, так испугалась ярких ламп, трескучих аппаратов, что наотрез отказалась сниматься.

– Ваша Гуля храбрая, она нас не подведет, – сказал режиссер.

– Храбрая-то храбрая, – ответила мама, – да боюсь – рановато ей сниматься.

– Ничего, один разок, – успокоил ее режиссер.

И вот Гуля вошла в какую-то странную комнату, всю заставленную зеркалами, высокими лампами и разными непонятными вещами.

Режиссер посадил Гулю к себе на колени.

– Ты должна напугать вот эту тетю, – сказал он, показывая на красивую большеглазую женщину в пестром платье и платочке. – К ней приедет сердитый дядя. Ты первая его увидишь, побежишь к ней и крикнешь: «Дядя приехал!» Поняла?

– Поняла, – сказала Гуля.

И репетиция началась. Гулю нарядили в длинный пестрый сарафан, на голову надели косыночку.

– Ну чем не баба рязанская? – говорили, смеясь, обступившие Гулю актеры.

И вдруг ярко вспыхнули лампы. Гуля зажмурилась. Яркий, горячий свет брызнул ей в глаза.

– Мама! – невольно крикнула Гуля. Ослепительный световой поток шел на нее со всех сторон, обжигая глаза.

Откуда-то из-за этого светового потока донесся до нее знакомый голос режиссера:

– Ничего, Гуленька, это лампы такие. Ну, как ты напугаешь тетю Настю? Кто к ней приехал?

Гуля подумала немножко и, сделав страшные глаза, закричала:

– Настя, Настя, беги! Бармалей приехал!

Это было все, что Гуле полагалось сделать в этой сцене. Она теперь могла пойти к маме, которая ждала ее в другой комнате. Но ей хотелось знать, что будет с бедной Настей.

Забравшись под стол, Гуля смотрела во все глаза и шептала, грозя Бармалею кулаком:

– Пошел вон, дурак! Пошел вон!

И когда дальше по ходу действия «мертвую» Настю внесли на руках в избу, Гуля, глядя на нее, прижала кулачки к лицу и тихонько заплакала.

Спустя несколько месяцев после окончания картины режиссеры подарили Гуле ее портрет в роли самой маленькой из рязанских баб. На этом портрете была надпись:

Талантливейшей актрисе от благодарных режиссеров.

Голубое ведро

– Мама, мама, смотри! Синенькое ведро! – кричала в восторге Гуля и тащила свою маму к витрине, где были выставлены игрушки.

За стеклом витрины было много всякого добра – куклы, медвежата, зайчики в полосатых штанах, грузовики, паровозы, – но Гуля смотрела только на ведра для песка. Они были выкрашены голубой эмалевой краской, и на каждом был нарисован букет цветов.

Давно уже Гуля мечтала о таком ведре. Ей так хотелось поддержать его в руках, наполнить песком до самого края, поносить по дорожке сада! Много раз просила она маму купить ей такое ведро, и мама обещала, но только нельзя было понять, скоро она купит или не скоро. «Куплю, когда будут деньги» или: «Куплю, когда будешь хорошая девочка». А когда это будет?

И вдруг сегодня Гулина мечта неожиданно сбылась. Она получила ведро, а в придачу к нему еще и совок, тоже выкрашенный в голубой цвет.

Гуля шла рядом с матерью, весело размахивая ведром.

– Гуля, иди как следует, – сказала ей мама, – ты всех толкаешь.

Но Гуля, казалось, ничего не слышала. Ведро качалось у нее в руках, и она то и дело задевала им прохожих.

Мать рассердилась:

– Если ты сейчас же не перестанешь, я отберу у тебя ведро и отдам его другой девочке!

– Хорошей? – спросила Гуля.

– Да уж лучше тебя, – ответила мама.

Гуля недоверчиво поглядела на мать и так махнула ведром, что стукнула им по голове чистильщика сапог, сидевшего на скамеечке. Мама испугалась.

– Простите, товарищ! – крикнула она и выхватила у Гули из рук ведро. – Ты ударила дядю, дурная девчонка!

– Я нечаянно, – сказала Гуля.

– Ничего, гражданочка! – весело улыбаясь, сказал черноглазый чистильщик. – До свадьбы заживет!

– А когда у вас свадьба? – спросила Гуля.

Но мать уже не слушала ни чистильщика, ни Гулю. Решительно, быстрыми шагами она направилась к милиционеру, стоявшему на перекрестке.

– Товарищ милиционер, – сказала она, – у вас есть дети?

– Есть, – ответил милиционер.

– Так вот отдайте им.

И она протянула милиционеру ведро. Он так удивился, что ничего не успел сказать.

Мать быстро увела свою дочку, а милиционер так и остался стоять посреди мостовой с голубым ведром в одной руке и с милицейским жезлом – в другой.

Гуля шла молча, опустив голову. В саду она уселась на скамейку. Возле кучи свежего желтого песка играли дети. Четыре разных ведерка стояли на дорожке. Какая-то девочка лопаткой насыпала в них песок, а другие дети сейчас же высыпали его обратно. Было очень весело. Но Гуля даже не посмотрела в их сторону.

Мать молча наблюдала за ней. Она ждала, что девочка не выдержит и заплачет. Но Гуля не плакала.

Придя домой, она спокойно сказала отцу, читавшему на диване газету:

– Знаешь, папа, мы подарили милиционеру ведро.

– Ведро? – удивился отец. – Милиционеру?

Гуля усмехнулась:

– Игрушечное ведро – настоящему милиционеру.

А когда она вышла из комнаты, мать ее рассказала, как было дело.

– Я сама чуть не разревелась, когда в наказание отняла у нее игрушку. Ведь она так мечтала о ведре! А она и виду не показывает, что ей больно и обидно.

Спустя несколько дней Гуля снова заявила отцу, усаживаясь к нему на колени:

– Знаешь, мы выбросили за окно мою куклу Наташу.

– Кто это «мы»?

– Мы с мамой. И хорошо, что выбросили: плохая была кукла. Пафнутий Иванович гораздо лучше.

Пестрого курносого клоуна Пафнутия Ивановича Гулин отец принес ей однажды из театра, где он работал.

Гуля хотела уже слезть на пол. Но отец остановил ее:

– Нет, ты скажи мне: как же это случилось, что кукла полетела за окно?

Гуля посмотрела куда-то в сторону.

– А так и случилось, – сказала она. – Мы с куклой сидели на окошке, а мама нам не позволяла. Мама говорит: «Нельзя сидеть на окошке – упадете!» А мы не слезаем...

– Ну и что же?

– Что же... Меня мама сняла, а ее выбросила.

– И тебе совсем, совсем не жалко?

– Немножко жалко, – сказала она и, нахмутив брови, бегом побежала к себе в комнату.

Бегство в Испанию

Прошло еще два года.

Приближалась годовщина Октябрьской революции. В доме недавно закончился ремонт. Пахло свежей клеевой краской. В комнатах было тихо.

Но вот в передней раздался звонок. Один, другой, третий...

– Слышу, слышу! Наказание божье, а не ребенок! – заворчала суровая, строгая женщина, Настасья Петровна, и пошла открывать дверь.

В переднюю вбежала Гуля, нагруженная покупками.

– Смотрите, какие картинки мама купила мне к празднику! – сказала она. – Броненосец «Потемкин», крейсер «Аврора»!

Глаза у нее светились счастьем.

Но Настасья Петровна даже не взглянула на Гулины покупки и ушла на кухню.

Гуля убежала в свою комнатку и плотно закрыла за собой дверь.

Там она сразу же принялась за работу. Краска на стенах была свежая, и бумага легко к ним приставала.

Странная, небывалая тишина воцарилась в доме. Настасья Петровна забеспокоилась – не натворила ли чего-нибудь эта девчонка?

Открыв дверь, она всплеснула руками. Только что окрашенные стены были оклеены картинками. Платье, чулки на Гуле, даже щеки и нос были выпачканы голубой краской.

– Безобразие! – закричала Настасья Петровна. – Стены испортила!

– Как вы можете так говорить? – возмутилась Гуля. – Ведь это броненосец «Потемкин»! Крейсер «Аврора»! Как вы не понимаете!

Но Настасья Петровна, не слушая Гулю, принялась сдирать картинки со стен. Гуля вцепилась в ее платье. Она рыдала, кричала, топала ногами, но напрасно. Вскоре все было кончено. Настасья Петровна, ругаясь, ушла на рынок, а Гуля с плачем упала на кровать.

Слезы текли по ее щекам, вымазанным краской, оставляя за собой разноцветные дорожки.

«Что делать? – думала Гуля. – Мама весь день на работе, а с Настасьей Петровной жить вместе прямо невозможно! Хоть бы она в деревню уехала. Так нет, не уедет, нарочно теперь не уедет. Вот возьму, – решила Гуля, – и сама убегу из дому. Ей назло.

Но куда уехать? На дачу? Там холодно. Окна заколочены досками. Ветер воет на чердаке. Нет, если ехать, то в какие-нибудь теплые страны. Например, в Испанию. Есть такая страна (в кино показывали). Ну конечно, в Испанию! Только надо спросить у кого-нибудь на улице, где она».

Гуля встала, вытерла полотенцем мокрое от слез лицо и начала собираться в дорогу. Первым делом она взяла с этажерки свои любимые книжки – «Детки в клетке» и «Лампу Аладдина». Потом подумала и достала из ящика маминого стола несколько серебряных гривенников и медяков. После этого открыла бельевой шкаф и вытащила из кучки аккуратно сложенного белья простыню.

«Это будет моя палатка, – решила Гуля. – Ведь мне придется ночевать прямо в поле или в лесу».

Она засунула простыню в чемоданчик. Сверху положила книжки и своего старого друга Пафнутия Ивановича. Всю мелочь, которую нашла в столе, положила в карман передничка.

«Пальто тоже надо взять, – подумала Гуля. – И зонтик. А то еще вдруг в Испании пойдет дождь».

Она вытащила из шкафа свой крошечный розовый зонтик, обшитый кружевами.

И, уверенная в том, что она обеспечила себя на все случаи жизни, Гуля оделась, взяла в руки чемоданчик, зонтик и отправилась в далекий путь. Во дворе она простилась со всеми знакомыми ей ребятами.

Когда Настасья Петровна вернулась домой, соседские дети спокойно заявили ей:

– А ваша Гуля уехала в Испанию.

Настасья Петровна бросилась на розыски Гули и часа через два нашла ее на вокзале – девочка сидела на скамейке, дожидаясь отхода дачного поезда. Кое-как приволокла она беглянку домой. Гуля упиралась и плакала.

Соседи позвонили матери на работу. Когда она вошла в комнату, Гуля, рыдая, бросилась ей навстречу.

– Я не могу больше так жить! – сказала она.

Мама села на диван и притянула дочку к себе.

– Ну, расскажи, что случилось. С Настасьей Петровной опять не поладила?

Слезы душили Гулю.

– Она ничего не понимает! – еле выговорила Гуля, заливаясь слезами. – Тебя и папы целый день дома нет, а она ничего не понимает. Я так красиво по стенам расклеила твои картинки, думала – она обрадуется, а она говорит: «Стены испортила», и все порвала, ножом соскоблила. Отдай меня в школу!

– Хорошо, Гуленька, мы что-нибудь придумаем. Только в другой раз не убегай без спросу в Испанию.

Мама уложила дочку на диван и укрыла ее. Гуля успокоилась и уснула.

А мама долго еще сидела возле нее, глядя ее голову. Среди ее мягких льняных кудрей чуть темнела на затылке прядь каштановых волос.

«Растет моя дочка, – думала мать, – вот и волосы начинают темнеть. Как-то у нее сложится жизнь?..»

«Адам»

Гуле шел седьмой год. Она давно уже умела читать – чуть ли не с пяти лет, – но отдавать ее в школу было еще рано. Знакомые посоветовали матери устроить ее в группу, которой руководила старая учительница-француженка: девочка будет играть и гулять вместе с другими детьми, да, кстати, и языку научиться.

И вот Гуля в первый раз пришла к учительнице.

В комнате со старинной, полинявшей мебелью и множеством картинок и фотографий на стенах, кроме Гули, было еще двое детей: мальчик Лелик, с длинными кудрями, похожий на девочку, и стриженная девочка Шура, похожая на мальчика.

Дети уселись за низенький столик, а старушка учительница взяла зеленого тряпичного зайца и запела непонятную песенку. Заяц у нее в руках принялся отплясывать на столе какой-то смешной танец. У него прыгали уши и болтались ноги, дети смеялись и повторяли за учительницей странные слова песенки.

Гуля смотрела на всех молча, исподлобья. Но вот она решилась что-то спросить.

– Адам, – сказала она наконец, – почему...

– Что ты сказала? Повтори, – удивилась француженка.

– Адам, – повторила Гуля.

– Не «адам», а «мадам» нужно сказать.

– Мадам, – снова начала Гуля, – разве русский язык такой плохой, что нужно учить еще французский?

Ей это казалось удивительным. Зачем петь песенки на непонятном языке, когда есть на свете такой хороший, такой понятный русский язык? И к тому же, зачем нужно заставлять плясать этого зеленого зайца? Дома у Гули тоже был заяц, только не зеленый, а голубой, но он уже года три как лежал в ящике с другими старыми игрушками. Гуле скоро нужно было поступать в школу, а ее забавляли, как маленькую!

Старушка не знала, что ответить Гуле. Она подумала немножко и велела детям устроить хоровод. Мадам взяла за руки Лелика и Шуру, а Шура протянула руку Гуле. Но Гуля вырвалась и села на стул.

– Я не люблю танцевать утром, – сказала она. – Я люблю утром читать.

Француженка недовольно покачала головой:

– Ты непослушная девочка. Ну хорошо, мы будем читать.

Но оказалось, что в этой группе читают тоже не по-русски, а по-французски. И не сказки читают, а только азбуку.

Мадам раздала детям картинки с нарисованными на них буквами: а, бе, це, де...

Дело было нехитрое. Гуля быстро запомнила все буквы. Не прошло и месяца, как она уже умела довольно бегло читать по-французски.

На прогулках в саду она торопила свою «адам» домой:

– Пойдем почитаем еще немножко вашу французскую книжку.

А к концу зимы она научилась не только читать, но и писать. Когда она на уроках очень уж расходилась и шалила, мадам надевала пенсне и говорила:

– Спокойно! Сейчас мы будем писать диктант.

Но Гуля и этот урок превращала в веселую игру.

– «Дитя лежит в колыбели, – мерным голосом диктовала мадам французские фразы. – Птичка сидит на дереве. Бабушка вяжет чулок. Дедушка курит трубку».

А Гуля выводила в тетрадке:

«Бабушка лежит в колыбели. Дитя курит трубку. Птичка вяжет чулок. Дедушка сидит на дереве».

И, стараясь не смеяться, с самым серьезным видом протягивала тетрадку своей «адам». Француженка поправляла пенсне и принималась вслух читать Гулины каракули.

– Что такое? – говорила она, хмуря брови. – «Птичка вяжет чулок? Дитя курит трубку?»
Ничего не понимаю!

Гуля покатывалась со смеху, а вместе с ней – Лелик и Шура.

Добрая старушка прощала Гуле эти проказы. Она считала, что, играя, переставляя по-своему французские слова, Гуля скорее их запомнит. Она только следила за тем, чтобы каждое слово было написано правильно, без ошибок.

Так весело и мирно шли эти занятия. И никто в группе не подозревал, какую новую проделку задумала Гуля.

Однажды, когда в теплый весенний день вся группа в полном сборе гуляла по улице, Гуля неожиданно остановилась у подъезда трехэтажного каменного дома.

– Мадам, – сказала она, – пожалуйста, подождите меня здесь, я сейчас вернусь.

И, приоткрыв тяжелую дверь, она исчезла.

– Мадам, а ведь это школа! – сказала Шура. – Видите – написано?

И девочка показала на прибитую к двери вывеску.

– Стойте оба здесь, – ответила француженка. – Я сейчас буду посмотреть.

Лелик и Шура остались одни. Они взялись за руки и прижались к стене дома, чтобы их не переехала машина.

Гуля вернулась первая.

– А где адам? – спросила она. – То есть мадам?

– Пошла тебя искать, – ответили Лелик и Шура вместе. – А ты где была?

– После расскажу!

В это время из дверей школы выбежала взволнованная мадам.

– Скверный девочка! – набросилась она на Гулю. – Где ты ходил?

Когда она волновалась, она говорила по-русски еще хуже, чем обычно.

Гуля помолчала немного, а потом сказала серьезно, как большая:

– Простите, мадам. Я в школу поступила. В первый класс. Завтра нужно будет отнести метрику.

Мадам только всплеснула руками.

На другой день Гулина мама отнесла в школу документы.

Так Гуля сама отдала себя в школу.

Первоклассница

В первом классе Гуля оказалась выше всех ростом, хоть и моложе всех по возрасту. На первых порах ей пришлось нелегко.

Какому-то озорному мальчишке приглянулись ее кудрявые волосы. Он незаметно подкрадывался к ней сзади, всовывал палец в локон и дергал. Это было больно и обидно. Гуля рассказала об этом дома, но мать спокойно отнеслась к ее жалобам.

– Договаривайся с ними сама. Не можешь договориться, дай сдачи. А учительнице не жалуйся.

И Гуля не стала давать себя в обиду.

Ей очень нравилось в школе. В парте у нее было целое хозяйство. В одном углу лежали новенькие книжки и тетрадки, в другом стоял лакированный пенал, а в пенале чего-чего только не было! И карандаши, и блестящие перышки, и резинки.

Однажды Гуля принесла с собой в класс маленькую шерстяную обезьянку и стала устраивать ей из книжек и пенала уютный домик. Она не заметила, как вошла в класс учительница.

Начался урок.

Учительница что-то долго читала вслух, но Гуля ничего не слышала.

– А теперь Гуля Королёва прочтет нам этот рассказ, – вдруг сказала учительница.

– Какой рассказ? – спросила Гуля, вставая с места.

– Тот, который я только что вам прочла.

– Я ничего не слыхала, – проговорила Гуля и опустила голову.

– Стыдно, Королёва, – сказала учительница. – Ты невнимательна, и я ставлю тебе «плохо».

Вскоре в одной из комнат кинофабрики, где работала мать Гули, раздался телефонный звонок.

– Позовите мою маму! Товарища Королёву! – послышался в трубке взволнованный голос. – Мама, это ты? Мама, мне плохо!

Мать чуть не выронила из рук телефонную трубку.

– Гуленька, что с тобой? Сейчас же иди к школьному врачу! Я скоро приеду за тобой в школу.

– Я не в школе, – послышалось в ответ. – Я уже дома.

– Ну и хорошо, что дома. Скорей ложись в постель. Что у тебя болит?

– Мама, ты не понимаешь! – сказала Гуля. – Не мне плохо, а у меня «плохо»!

– Как плохо? Говори толком. Что у тебя болит? Голова? Горло?

– Да что ты, мама! Я же говорю, мне не вообще плохо. Мне по-русскому устному «плохо»!

Мать вздохнула с облегчением:

– Так бы и сказала. Это еще ничего, если только по-русскому устному.

– Да, «ничего»! Тебе все ничего, – обиделась Гуля. – А мне от этого «плохо» очень, очень плохо!

В другой раз, когда Гуля и в самом деле заболела, мать ей не поверила.

– По какому предмету «плохо», – спросила она, – по устному или по письменному?

– Горло болит! – еле выговорила Гуля. – И тошнит что-то...

Когда мать приехала домой, Гуля уже лежала на кровати вся красная от жара. Приехавший доктор осмотрел ее и произнес одно из тех слов, которых так боятся все матери:

– Скарлатина.

В больнице

В большом саду перед окном нижнего этажа стояла мать Гули. С грустью смотрела она на худенькую стриженую девочку в длинной рубашке и в халатике, которая теперь, после болезни, совсем не похожа была на прежнюю веселую Гулю.

Из-за плотно закрытого окна не слышно было Гулиного голоса. Но лицо Гули выражало полное отчаяние. Она что-то быстро писала на большом листе бумаги, приложив его к подоконнику, и потом показывала свои каракули маме в окно. Вкривь и вкось было написано:

«Мама, возьми меня отсюда! С меня вся кожа слезла. Я больше не могу тут жить!»

В ответ мать Гули писала ей на листках из блокнота:

«Гуленька, потерпи еще совсем немножко. Скоро я возьму тебя домой. Дома тебя ждут замечательные подарки».

У Гули дрожали губы и подбородок, но она крепилась и не плакала, хотя ей было всего только восемь лет.

Когда мать ушла, Гуля отправилась с горя на кухню, чтобы узнать меню сегодняшнего ужина. Это было очень интересно – три раза в день бегать на кухню, а потом обходить все палаты своего отделения и говорить ребятам, лежащим в постели, что будет к завтраку, к обеду или к ужину.

– Макаaronная запеканка и кисель! – торжественно провозгласила Гуля.

Но, к сожалению, оказалось, что какая-то долговязая бритая девчонка из соседней палаты уже успела раньше Гули сбегать на кухню, и новость эта ни на кого не произвела впечатления.

Гуля села на кровать и вздохнула. До ужина оставался еще целый час. Она принялась декламировать шепотом стихи своего любимого поэта Некрасова. И вдруг, незаметно для нее самой, в голове у нее стали складываться какие-то новые, нигде не подслушанные слова и строчки про ее маленького рыжего щенка Петьку, оставшегося дома:

Что ты, родименький,
Что ты, собачечка,
Что ты сидишь там в углу?
Скучно собачечке,
Скучно родименькой
Тихо сидеть там в углу.
Ну, подойди, я тебя приласкаю.
Хлебушка нету в дому.
Вот засыпает мой рыженький, маленький
В тихом своем уголку.

«Как это у меня получилось? – подумала Гуля. – Это уже не такие глупые стихи, как те, про Африку».

И она вспомнила первое свое стихотворение, которое она сочинила, когда ей было четыре года:

Птицы скоро улетают
Стаями домой,
Африка для них душиста,
Африка им край родной.

«Надо будет записать стишок про Петьку», – решила Гуля.
Она взяла карандаш, клочок бумаги и написала большими буквами:

СТИХ ПРО ПЕТЬКУ.

И вдруг ей захотелось спать. Глаза стали у нее слипаться, голова сделалась тяжелая, и Гуля упала ничком на подушку.

Когда на ужин принесли миску, наполненную горячими макаронами, Гуля уже спала крепким сном.

Друзья и враги

Вернувшись из больницы, Гуля нашла дома целую библиотечку. На полочке были расставлены новые книжки, от которых еще пахло типографской краской. Больше всего Гуле нравились книжки о путешествиях.

«Вот бы поскорее вырасти, – думала Гуля, – и самой сделаться путешественницей!»

И вдруг неожиданно Гулина мечта исполнилась. Гуля уехала вместе с матерью далеко-далеко, в Армению.

Для матери это была служебная командировка, а для Гули – одна из самых веселых поездок.

Во дворе дома, где они остановились, пахло гарью от маленького очага, сложенного из камня против самой двери. Перед очагом сидела на корточках девочка с черными, туго заплетенными косичками. Девочка мешала что-то большой ложкой в медном тазу. Из таза поднимался сладкий медовый запах, и пахло медом даже на улице.

Время шло к осени. Солнце уже не палило, как летом, а грело спокойно и бережно.

– Как тебя зовут? – спросила Гуля у девочки.

Девочка поправила по очереди обе косички и стала рассматривать ложку, будто в первый раз ее увидела.

– Гаянэ, – тихо ответила она.

– Ты в школе учишься? – спросила Гуля.

– Конечно, учусь, – нараспев сказала Гаянэ.

– А ты любишь свою школу?

– Конечно, люблю.

– А подруги у тебя есть?

– Конечно, есть.

– А со мной хочешь дружить?

– Конечно, хочу, – усмехнулась Гаянэ.

– А где твоя школа, близко?

– Не очень близко, – ответила Гаянэ, – немножко далеко.

Гуля села на ступеньку рядом с Гаянэ. Постепенно девочка сделалась разговорчивей, и Гуля узнала от нее, что две снежные горы, поднимающиеся за облака, называются Арарат и что армяне еще их называют по старинке Сис и Масис – Малый Арарат и Большой. А Гуля рассказала Гаянэ, что она с мамой проезжала на поезде через какие-то горы и что, когда они рано утром вышли на станцию Алагёз, было очень холодно.

– Так всегда на горах бывает, – сказала Гаянэ. – Вон гора Алагёз. – И она показала рукой на гору, возвышающуюся как раз напротив Арарата. – Мой старший брат Каро на самый верх лазил.

– А где он сейчас? – спросила Гуля.

– А вот, – кивнула Гаянэ на мальчика в меховой шапочке.

Мальчик сидел верхом на ограде, выложенной из камня, и глядел куда-то вдаль из-под руки.

– Это он смотрит, чтобы чужие мальчишки наши груши и айву не таскали, – объяснила Гаянэ.

– Жалко, моего старшего брата Эрика здесь нет, – вздохнула Гуля. – Эрик бы им показал!

Гуля сказала это не задумываясь и сама удивилась своим словам. Эрик вовсе не приходился ей братом, он был ее товарищем с самого раннего детства, но Гуля в эту минуту позавидовала Гаянэ, что у той есть брат, и придумала себе старшего брата.

Дружба Эрика и Гули началась еще с тех пор, когда обоим было всего по три года.

Впрочем, в те времена Гуля нередко обижала Эрика. Однажды она унесла домой его белого плюшевого слона и долго не хотела с ним расставаться. Она говорила:

– Слон мне сам сказал – он не хочет жить у Эрика, он хочет жить у меня.

Эрик долго и терпеливо ждал, пока слону снова не захочется вернуться к своему настоящему хозяину.

Но чаще случалось, что Гуля отдавала Эрику свои игрушки. Она даже подарила ему своего любимого клоуна Пафнутия Ивановича.

Потом они с Эриком поступили в разные школы и стали видаться реже. Но все же они всегда жили в одном городе.

А теперь Эрик был за тысячи километров от Еревана – в Москве.

– А он большой, твой брат? – спросила Гаянэ.

– Большой, – сказала Гуля, – может быть, даже больше твоего Каро.

И Гуля посмотрела в ту сторону, где был мальчик в меховой шапочке.

Мальчик грозил кулаком кому-то стоявшему по ту сторону каменной ограды и что-то сердито кричал на своем языке. Вдруг из-за ограды полетели прямо в него комья глины.

Гуля сорвалась с места и подбежала к ограде. Она быстро вскарабкалась и закричала:

– Эй вы, мальчишки! Если вы сейчас же не перестанете, я позову моего старшего брата Эрика. У него есть настоящее охотничье ружье!

Неприятели с изумлением смотрели на незнакомую девчонку, совсем не похожую на тихих и робких девочек, которых они привыкли видеть на улицах своего города.

Один из них, самый смуглый и крепкий, смотрел на Гулю, открыв рот и не мигая.

– Постой, постой! – сказала Гуля. – Я до тебя доберусь!

Неизвестно, понял ли мальчик ее слова, но только он круто повернулся и убежал.

За ним бросились наутек и все остальные.

– Они теперь с другого конца прибегут, – сказал Каро, – я уж их знаю!

– А ты не зевай. Беги им навстречу! – приказала Гуля. – И чуть что, кричи: «Эрик!»

Каро сполз с ограды и со всех ног бросился в противоположный конец двора. Скоро оттуда донесся его отчаянный голос:

– Эрик! Сюда! Э-рик!

Гуля бросилась на помощь.

– Эрик идет! – закричала она на бегу. – Ружье заряжает!

Каро стоял на покато́й крыше дома. Он радостно замахал руками:

– Побежали!

– Ага! – закричала Гуля. – Испугались!

Каро сполз на землю.

– А у тебя правда есть брат Эрик? – спросил он.

Гуля кивнула головой:

– Двоюродный...

– А где он сейчас? Дома сидит?

– Дома... в Москве.

Черные брови Каро высоко поднялись. Но, сообразив что-то, он засмеялся:

– Хитрая! Брат в Москве, а она весь Ереван братом пугает.

– Хочешь со мной дружить? – спросила Гуля.

Каро переступил с ноги на ногу, усмехнулся:

– У меня сестра Гаянэ есть. В Ереване, а не в Москве. С ней дружить можно.

– А с тобой нельзя?

Каро смутился:

– Почему нельзя? Все можно.

И с этого дня Гуля подружилась с Гаянэ и Каро. А неприятельская армия издали с завистью наблюдала, как брат и сестра отбирали для приезжей девчонки самые спелые, самые сочные груши.

Скоро и враги прониклись к этой приезжей уважением. Случилось это так.

Во дворе у них жил на привязи большой, сердитый пес Абрек. Далеко вокруг разносился его хриплый, свирепый лай.

Несколько раз останавливалась Гуля у ворот двора, где жил Абрек, и заглядывала в калитку, но Абрека не было видно.

Наконец, набравшись храбрости, Гуля вскарабкалась на выступ в каменной ограде и увидела большую серую овчарку. Собака отчаянно крутила головой, стараясь освободиться от толстой веревки, заменявшей цепь.

– Сейчас я тебе помогу! – закричала Гуля, перемахнула через ограду и, спрыгнув вниз, побежала прямо к конуре.

– Куда?! – закричал ей вслед Каро, появившийся вдруг над оградой. – Разорвет! На куски разорвет!

– Ничего, – сказала Гуля, – не разорвет.

Абрек мрачно уставился на Гулю и, рванувшись вперед, залаял с таким остервенением, что сразу лишился голоса. Гуля остановилась.

– Абрек, – сказала она самым ласковым голосом, – не бойся, маленький, я тебя не обижу...

Абрек до того удивился, что так и осел на задние лапы.

А Гуля, подойдя к страшному псу, погладила его между ушей и принялась отвязывать веревку. Пес, казалось, сошел с ума от радости. Он запрыгал вокруг Гули, потом вскочил на задние лапы, а передние положил ей на плечи.

Отвязав Абрека, Гуля взяла его за ошейник, и сторожевой пес, которого боялись все окрестные жители, спокойно и кротко пошел рядом с девочкой, осторожно ступая у самых ее ног.

И с этого дня о Гуле по всей улице пошла слава, что она никого и ничего на свете не боится.

Но вот настал день Гулиного отъезда. У ворот стояла линейка. Каро вынес чемоданы.

Мать Каро, маленькая тихая женщина, протянула Гуле плетеную корзинку, наполненную виноградными гроздьями. Подошла Гаянэ. Она плакала.

Гуля обняла ее, поцеловала.

– Не плачь, Гаянэ. Приезжай к нам в Москву.

Поодаль стояли молча соседские мальчишки, бывшие Гулины враги, а теперь друзья. Когда линейка тронулась, Гуля помахала им рукой. И сейчас же вся ватага бросилась ей вслед, а двое самых ловких прицепились к задку линейки. Возница крикнул им что-то на своем языке, мальчишки засмеялись и еще крепче ухватились за край линейки.

Но это было еще не все. Волоча за собой веревку, на улицу выскочил взлохмаченный Абрек. В несколько прыжков догнал он всю компанию и побежал впереди линейки.

– Абрекушка! – закричала Гуля. – Мама, возьмем его с собой!

Мама только рукой махнула.

Но вот линейка покатила под гору, и мальчишки соскочили на землю.

– Прощайте! – крикнула им Гуля, и они оба сняли шапки и махали Гуле до тех пор, пока линейка не скрылась из виду...

Гуля и Эрик

Медленно и торжественно подходил к московскому перрону поезд. Паровоз показался издалека – оттуда, где еще не начиналась платформа.

Эрик бросился навстречу подходившему поезду.

На площадках вагонов уже толпились пассажиры, подзывая носильщиков. Эрик вглядывался в лица, ища глазами Гулю.

Уже пассажиры высыпали на платформу, а Гули все не было. И вдруг Эрик услышал знакомый звонкий голос:

– Эрастик!

Так называла его одна только Гуля.

Она высунулась из окна, почерневшая на южном солнце. Эрик бросился к вагону, пробиваясь сквозь шумящую толпу, натыкаясь на чемоданы и кули. Доски перрона застучали под его ногами. И, не слыша за собой голоса матери, которая бежала следом за ним, не помня себя от радости, Эрик взобрался на площадку вагона. А на площадке, топая ногами от нетерпения, уже стояла Гуля с большой круглой корзинкой в руках.

– Это тебе виноград! – закричала она. – А внизу там персики. Только они уже размякли. Их придется или очень скоро съесть, или просто выбросить... А еще я хотела привезти тебе одного чудного щенка, но, кажется, он был бешеный.

– И, должно быть, он тебя укусил, Гуля, – сказала мама. – Посмотри, вон стоит тетя Маша, а ты с ней даже не здороваешься, только болтаешь какие-то пустяки.

– Машенька! – закричала Гуля и, соскочив на перрон, повисла на шее у матери Эрика.

– А ваша квартира, дорогие мои, еще не готова, – сказала тетя Маша. – Маляр обманул нас и третий день не приходит. Вам придется заехать к нам.

– Ура! – закричала Гуля. – Молодчина маляр. Ура!

– Ура! – еще громче подхватил Эрик.

И скоро маленькая комната тети Маши наполнилась шумом, смехом и той особой суетой, которая всегда бывает в первые минуты встречи.

На столе появилось армянское лакомство чухчель с начинкой из винограда, тонкий хлебец лаваш и лепешки. Сладко запахло перезрелыми персиками. В стаканах засверкало красное ереванское вино.

А по единственному подоконнику маленькой комнаты уже бегали две белые крысы с розовыми глазками и длинными голыми хвостами. Это Гуля успела сбегать в свою школу и притащить крыс из живого уголка.

Крысы бесшумно сновали по подоконнику. Эрик и Гуля кормили их крошками хлеба, а старая няня, укладывая спать маленького Мику, братишку Эрика, поглядывала искоса на Гулю и ворчала:

– И так тесно, ребенку дышать нечем, а она этакую нечисть в дом притащила!

– Да что вы, нянечка, они чистенькие! – уверяла Гуля. – Смотрите, какие они хорошенькие!

Ее мама только рукой махнула:

– Не может Гулька жить без своего зверинца. Прямо беда с ней! В Ереване за ней ходили огромные лохматые псы. Их боялись все ребяташки, а она их любила так же нежно, как этих своих крыс.

Когда обе матери ушли из дому, Гуля шепнула Эрику – так, чтобы не слышала няня:

– Я тебе хочу что-то сказать по секрету.

– Пойдем в коридор, – предложил Эрик. Ребята выбежали в темный коридор, ведущий в кухню.

– Я не знаю, что делать, Эрик, – начала Гуля, – морская свинка сидит в школе совершенно одна. Никто из ребят не подумал взять ее на лето!

– Возьмем ее к нам! – сказал Эрик.

– А няня? Она и так ворчит из-за крыс.

– Мы ее под кровать посадим! – придумал Эрик.

– Кого под кровать? – засмеялась Гуля. – Няню?

– Свинку.

– Свинку нельзя под кровать. Ей под кроватью будет плохо. Ей нужен воздух и свежая трава.

– А где взять траву? – спросил Эрик. – Я придумал! На берегу Москвы-реки травы сколько хочешь. Пойдем нарежем!

И, юркнув в кухню, Эрик через минуту уже выбежал оттуда с кухонным ножом в руке.

– А корзинку для травы? – напомнила Гуля.

– Можно взять ту, в которой ты привезла виноград, – сказал Эрик.

И когда няня, уложив Мику, задремала сама, Эрик и Гуля выбежали из дому.

На берегах, не обшитых еще в те годы гранитом, желтела осенняя полуувядшая трава. Эрик и Гуля со всем усердием принялись за работу, и скоро корзинка была полна.

Когда обе матери вернулись домой, они еще из передней услышали сердитый голос старой няни:

– Да что ж это такое? Да где ж это видано? Хоть из дому беги...

– Что там случилось? – спросила Гулина мама и быстро отворила дверь.

В углу комнаты на траве сидела, тяжело дыша, рыженькая морская свинка. Эрик и Гуля стояли у окна, понуриив головы. Крупные слезы текли по щекам Гули.

– Машенька, – сказала Гуля и посмотрела на мать Эрика с мольбой и отчаянием, – свинка умрет в школе от голода и тоски!

Но никакие уговоры не могли убедить взрослых в том, что свинку необходимо оставить дома.

С охапкой травы в одной руке и со свинкой – в другой Гуля вышла из дому. Она крепко прижимала свинку к сердцу и горько плакала.

Следом за ней шел Эрик и утешал Гулю как только мог...

С детьми героев

Прошла зима. А в одно весеннее утро в Гулиной жизни произошло большое событие. – Мы поедem с тобой в детский дом МОПРа, – сказала мама.

Слово «МОПР» Гуля слышала еще в раннем детстве. Не понимая, что это значит, она уже знала, что мама работает в каком-то МОПРе, а когда подросла, то уже стала понимать, что это значит: «Международная организация помощи борцам революции».

Гуля очень любила, когда в гости к ним приходил французский писатель Леон Мусси-нак. Гуля усаживалась рядом с ним и могла подолгу, не проронив ни слова, его слушать.

«Вот хорошо, – думала она, – что адам учила меня французскому. Это так интересно все, что говорит милый, милый наш Мусси-нак!»

Особенно запомнилась Гуле песня, которую он пел, рассказывая об Испании: «Тореадор, смелее в бой!»

Однажды во время испанской революции 1931 года группа партизан-французов переносила в Испанию тайными тропами через Пиренеи тяжелые ящики с оружием. Когда люди уже совсем выбились из сил, один из французов, писатель Поль Вайян Кутюрье, бесстрашный, веселый человек, завернулся в плащ и бодро запел: «Тореадор, смелее в бой! Тореадор! Тореадор!»

Эта песня – ария из оперы «Кармен» – так неожиданно прозвучала здесь, в горах, что все невольно рассмеялись, повеселели, и это дало измученным людям силы преодолеть усталость и продолжать путь.

Гуля слушала Мусси-нака, не сводя с него глаз, а потом часто, закутавшись в мамин платок и перебросив его через плечо, шагала по комнате и пела, раскатисто произнося «р»:

Тор-реадор, смелее в бой!

Но никто не мог предположить тогда, что, спустя каких-нибудь десять лет, эта девочка, с волнением слушающая рассказы о героях, сама станет героиней и поднимет людей на подвиг так же неустрашимо, как это сделал пламенный борец за свободу Вайян Кутюрье...

А пока она только прислушивалась, присматривалась, сама не сознавая того, что учится стойкости и бесстрашию...

Когда Мусси-нак уезжал на родину. Гуля послала с ним письмо французским ребятам.

«Дорогие друзья, – написала она на листке, вырванном из тетрадки, – как вы поживаете? Обязательно, обязательно приезжайте к нам в гости!»

Французские друзья в гости к Гуле не приехали, но прислали ей с Мусси-наком, снова приехавшим в Советский Союз, подарок – пушистую вязаную кофточку.

Гуля ласково проводила ладонью по этой мягкой ворсистой кофточке и говорила:

– Вот спасибо французским ребятам! Хоть бы одного из них увидеть! Хоть бы самого маленького!

И подумать только – мечта ее исполнилась! Она едет в детский дом, где живут ребята, да еще при этом не из одной только Франции, а из многих, многих стран! Мама говорит, что там живут немцы, китайцы, японцы, болгары...

Своей радостью Гуля поделилась первым делом с Эриком. Она позвонила ему по телефону:

– Знаешь, Эрастик? Есть такой город Иваново. Там фабрики ткацкие. А за Ивановом – речка Талка. Наверное, хорошая речка. Правда? Уж очень название веселое – вроде Наталки. Так вот, у этой самой Талки-Наталки есть детский дом. Мама туда едет и меня с собой берет!

И Гуля пообещала Эрику, что расскажет ему все-все, как только вернется.

...Гуля и ее мама сошли с поезда и поднялись вверх по ступеням на высокий железнодорожный мост. Отсюда открывался широкий простор. По обе стороны тянулись и уходили вдаль, изгибаясь и поблескивая сталью, рельсы, виден был город с его фабричными трубами и зеленью садов, а еще дальше темнел лес. Над горизонтом стоял огненный диск заходящего солнца.

– А вон и детский дом, – сказала мама.

– Где? Где? – с нетерпением спросила Гуля.

– А вон... У самой опушки леса. – И мама показала на белеющий вдалеке двухэтажный дом. – Ну пойдем, Гулюшка.

Зоя Михайловна шла не спеша, а Гуля то убегала от нее вперед, то возвращалась назад, чтобы задать маме какой-нибудь вопрос.

– Мама, а как эти ребята разговаривают друг с другом? Китайские говорят по-французски или французские говорят по-китайски?.. Мама, а родители их дома остались?

Когда Гуля узнала, что у некоторых из детей родители убиты, а у других сидят в тюрьме, она замедлила шаг.

– Что же ты? – спросила Зоя Михайловна, оглядываясь. – Устала?

– Нет, – отозвалась Гуля. – Ты пойди вперед... Я немножко подумаю, а потом тебя догоню.

Радость, которую она чувствовала весь день, вдруг померкла. Она думала о том, что сейчас увидит грустных, бледных, заплаканных ребят.

Мама взяла ее за руку, и они вошли в детдомовский сад.

Стекла окон так и сверкали, отражая багряный свет заходящего солнца. Перед большой верандой бил фонтан. Слышалось неумолкающее, задумчивое, чуть печальное журчание, как будто фонтан тихонько бормотал что-то такое, о чем знал только он один...

И опять Гуля подумала о детях этого дома, которым пришлось испытать то, что бывает только в страшных сказках.

Но тут откуда-то из-за веранды на песчаную дорожку выехал педальный автомобиль, и маленький краснощекий мальчуган, сидевший на нем, весело загудел и заболтал что-то на своем языке. Гуля посторонилась, чтобы дать ему дорогу, и в эту минуту целая ватага таких же разбуржавшихся и веселых ребят выбежала из глубины сада. В руках у одного из них был волейбольный мяч.

При виде этой веселой, беззаботной ватаги Гуля сразу забыла о страшных сказках и уже не думала больше о том, что пережили не так давно эти ребята.

Когда сели ужинать, Гуля оказалась за одним столиком с болгарями – с двумя мальчиками и девочкой. Все трое очень понравились Гуле, особенно девочка. Звали ее Роси́ца. У нее были длинные иссиня-черные вьющиеся волосы, зачесанные за уши, серо-зеленые, как будто прозрачные, глаза и ямочка на подбородке.

– Я не могла еще много научить русский, – сказала Росица, словно извиняясь перед Гулей, – поэтому у меня есть много ошибки.

Но Гуле сразу все полюбилось в ее новой подруге, даже ее ошибки. И скоро Гуля узнала, что Росица жила в главном городе Болгарии, в Софии, что она «школьничка», «ученичка» четвертого класса.

– Я очень хочу, – говорила Росица, – иметь много приятельки в Советская Россия.

– Какое у тебя имя красивое, – сказала Гуля. – Росица. Совсем как роса. Росинка.

На ночь Гулю уложили в одной комнате с Росицей.

А утром мама сказала Гуле:

– Я уезжаю, Гулюшка.

– А я? – с тревогой спросила Гуля. – Мне еще не хочется уезжать.

– Меня просили оставить тебя погостить, – успокоила ее мама. – Но смотри Гуленька, не озорничай. Было бы очень стыдно, если бы советская девочка вела себя хуже, чем другие дети.

– Хорошо, мама, – серьезно ответила Гуля. – Я понимаю.

В этот же день, проводив маму. Гуля играла с ребятами в волейбол, каталась на карусели и на гигантских шагах в саду детского дома.

Спустя неделю она уже говорила понемножку на всех языках, а в чемоданчике ее еле-еле помещались подарки. Девочки дарили ей на память картинки, вышивки, ленточки, а мальчики – монеты и марки своих стран.

Приближался день отъезда. Гуля уже успела подружиться со многими ребятами и научиться петь их песни.

За несколько дней до того, как снова приехала мама, Гулю приняли в пионеры.

Накануне вечером, лежа в постели, она сказала Росице:

– Последние часы мы доживаем с тобой октябрятами. А завтра в это время...

– Что завтра? – спросила Росица, подняв голову.

– Пионерками будем!

...И вот Гуля уже стоит на торжественной линейке. Справа и слева от нее – китайские девочки: Чи-чу и Ту-я. И везде, во всю длину линейки, – знакомые ребята: Росица, Митко и Петро из Болгарии, Энрико из Гаваны, Иосиф из Венгрии, маленький негр Нилли из Америки, Китами из Японии, Лена из Сербии...

Все они кажутся Гуле настоящими героями, такими же, как их родители.

И оттого, что она стоит с ними в одном ряду, она чувствует себя тоже чуточку героиней...

А в облаках, разгораясь, как в тот вечер, когда Гуля сюда приехала, горит полыхает закат, и кажется, что это ходят по небу пионерские отряды со своими красными знаменами.

Первая высота

Над скалистым берегом моря, в густой зелени акаций, прятались стеклянные строения украинской кинофабрики. Издали виднелись красные черепичные крыши. В этом саду можно было увидеть толпу бойких босоногих ребятишек и впереди всех – веселую загорелую девочку в ситцевой юбчонке и в вышитой украинской рубашке. Это была героиня кинокартины – бесстрашная Василинка. Шла съемка картины «Дочь партизана».

Василинкой была Гуля. Случилось так, что она вместе с матерью поехала на Украину. Режиссеры кинофабрики, увидя Гулю, сразу решили, что Василинка должна быть точь-в-точь такой, как Гуля. Матери не хотелось делать из Гули киноартистку, но режиссеры настаивали до тех пор, пока она не согласилась.

Гуле пришлось приняться за трудную, серьезную работу.

В картине была сцена, где Василинка верхом на лошади берет препятствие. Для того чтобы сыграть эту сцену, Гуле пришлось научиться ездить верхом – в седле и без седла.

Красноармеец привел во двор кинофабрики рослого белого коня. Поглаживая своего красавца по крутой, гладкой спине, он говорил:

– Це добрый конь. Нема бильше такого доброго коня, як Сивко.

Но «добрый конь» оказался злым и упрямым, когда на него посадили Гулю. Он рванулся с такой силой, что Гулю сразу откинуло назад, и она чуть не полетела вниз головой. Ее вовремя подхватили.

– Вы идите рядом, – сказала Гуля режиссеру, – а я еще раз попробую.

Она уселась поудобнее и дернула поводья. Сивко не тронулся с места. Гуля сжала ногами бока лошади, но она не шелохнулась. Красноармеец потрепал коня по загривку и сказал:

– Чого ж ты, дурень? Ходы! Ходы швыдче!

Гуля снова дернула поводья. Сивко вдруг затанцевал, отпрянул назад, и Гуля упала ему на шею. Ее опять успели подхватить.

Она покраснела.

– Что, испугалась? – спросили ее режиссер и оператор.

– Злякалась? – спросил красноармеец.

– Злякалась, – сказала Гуля. – Думала – убьюсь.

– Ну, может быть, хватит на сегодня?

– Нет, давайте еще, – ответила Гуля.

То сдерживая, то подгоняя Сивко поводьями, она заставила его наконец слушаться. Упрямый Сивко понял, что ему не переупрямить маленькую наездницу.

Учение повторилось и на другой день, и на третий. А когда Гуля научилась ездить и шагом, и рысью, и галопом, на дорожке парка поставили высокий барьер.

Смело и весело уселась Василинка в седло. Сивко сразу бросился вперед, но перед самым барьером шарахнулся куда-то в сторону. Гуля еле удержала его. Сивко брыкался, мотал головой, кусал удила. Гуля кое-как усидела в седле и снова направила коня вперед. Она неслась к барьеру, и ветер бил ей прямо в лицо. Сивко доскакал до цели и снова отпрянул в сторону. Он, казалось, во что бы то ни стало решил сбросить с себя эту легкую, но беспокойную ношу. У Гули закружилась голова. Она судорожно вцепилась в поводья.

– Прекратить репетицию! – закричал в рупор режиссер.

Но Гуля не захотела сдаваться.

– Ничего, у меня выйдет. Должно выйти!

Она уселась покрепче, прилегла к шее коня:

– Ну, Сивко, не выдай! – и опять помчалась к барьеру. Сердце у нее забилося еще сильнее.

Но Сивко выдал. Перед самым барьером он опять, в третий раз, шарахнулся вбок.

– Брось, Гуля, не надо! – кричал режиссер.

Гуля ничего не слышала. Стиснув зубы, сжавшись, словно пружина, погнала она коня галопом. Доскавав до барьера, она дала шенкеля, конь, не успев опомниться, сделал прыжок, и Гуля, точно на крыльях, взлетела куда-то вверх. Секунда – и конь снова плавно бежал по дорожке.

Барьер был взят. Так двенадцатилетняя Гуля взяла первую высоту в своей жизни.

Новые друзья

Осенью кинофильм «Дочь партизана» повезли на просмотр в Москву.

Было странно, что такая большая картина, над которой трудилось столько людей, могла уместиться в маленьком чемоданчике.

Провожая режиссера на вокзал, Гуля просила его:

– Пожалуйста, покажите картину моему папе. Уж если я не смогу увидеть его, так пусть хоть он посмотрит на меня!

Ей и самой очень хотелось в Москву, хотелось в прежнюю квартиру, на свою московскую улицу, в свою московскую школу.

Но маме никак нельзя было уехать из Одессы.

Приходилось привыкать к новой жизни и к новой школе.

А привыкнуть было не так легко. И парты в классе казались неудобными, и доска не на том месте, и ребята не те.

Дома Гуля жаловалась, что на переменах в ушах звенит от шума, что мальчишки то и дело подставляют ножку или дергают за косу и что в этой школе учиться нет никакой возможности.

– Ничего, привыкнешь, – говорили ей дома.

– Никогда в жизни не привыкну! – сердилась Гуля.

Она не прощала новой школе прежде всего то, что школа эта находилась не в Москве, а в Одессе.

Однажды, еле досидев до конца уроков и захлопнув за собой тяжелую школьную дверь, Гуля сказала своим одноклассникам:

– И что это за школа! Пешком бы я отсюда в Москву ушла.

Это слышали мальчики.

– Да кто ж тебя держит? – закричал один. – Москвичка, подумаешь!

– Нам ты очень нужна! – прибавил другой. – Катись куда хочешь. Мы тебе и дорожку покажем, и на дорожку дадим...

И он уже хотел дать Гуле подзатыльник, но на помощь к ней подоспело несколько девочек.

– Не троньте ее! – закричали они хором. – Вам какое дело, про что мы разговариваем!

– А пусть не задается. Не Королёва ведь, а Королёва!

– Ну что ж, что Королёва. Она у нас артистка.

– Артистка! – презрительно сказал мальчик, и все захохотали.

– Да, да! – закричали девочки. – Артистка настоящая. «Дочь партизана».

– Ну? – спросил кто-то из мальчиков.

– Честное пионерское, – сказали девочки, – она там и верхом скачет, и лошадь из болота вытаскивает, и с кулаком воюет, не то что с вами!

– А все равно пусть не задается! – сказал черноглазый коренастый мальчик, с любопытством поглядывая на Гулю. И вдруг прибавил: – А где теперь твоя лошадь?

– Это не моя, – сказала Гуля. – Она красноармейская.

– На красноармейской надо уметь ездить, – сказал кто-то.

– Я сначала не умела, – ответила Гуля, – а потом выучилась немножко.

– Немножко! – закричала Гулина соседка по парте, Леля Снегирева. – Ты же барьеры брала!

– Да, приходилось...

Ни Гуля, ни другие школьники и школьницы – никто не заметил, как ссора сама собой угасла и перешла в деловой и даже дружеский разговор. Кончился он тем, что Гуля повела

всю компанию к себе домой, на улицу, обсаженную липами – называлась эта улица Уютной, – и угостила своих новых друзей всеми вкусными вещами, какие только нашла дома: сочными, румяными яблоками и хлебом с малиновым вареньем.

И скоро Гуле стало казаться, что в школе не так уж шумно, что девочки очень славные и что даже среди мальчишек есть совсем неплохие ребята.

Но лишь только начала она привыкать к этой школе, как ей снова пришлось уехать. На этот раз – в Киев, где готовилась съемка новой картины.

Незадолго до ее отъезда приехал в Одессу Владимир Данилович Королёв.

– Папочка, – сказала Гуля, когда отец отдохнул с дороги и они вместе вышли на улицу, – у меня к тебе просьба. Очень большая. Обещай, что ты ее исполнишь.

Уже стоял конец июня. Южное солнце пекло так, что спасала от него только густая тень каштанов и акаций, выстроившихся вдоль тротуаров. Лишь изредка приносил прохладу ветерок с моря.

Отец с удивлением посмотрел на Гулю:

– Как же я могу обещать тебе то, чего не знаю?

Гуля подумала немножко и сказала:

– Я даю слово, что ни разу за весь месяц ничего у тебя больше не попрошу – ни мороженого, ни денег на карусель.

– Ну, так в чем же дело? – еще больше удивился отец.

– Знаешь, я соберу сегодня ребят нашего класса, и ты угостишь мороженым нас всех. И покатаешь всех на карусели. Хорошо?

– А сколько же у вас в классе ребят?

– Тридцать два человека. Но не пугайся – сейчас многие разъехались. Ну, все же человек двадцать наберется...

Владимир Данилович развел руками:

– Ты что, хочешь разорить меня сразу – за один день?

Гуля виновато улыбнулась:

– Нет, папочка. Это выйдет ровно столько порций мороженого, сколько я съела бы одна за целый месяц. И столько же раз покатаюсь бы на карусели. Я все это тоже подсчитала.

Отец усмехнулся:

– Ну что ж, это неплохо, что ты и летом занимаешься математикой...

Но Гуля перебила его:

– Не смейся, папочка, я даю тебе слово, что больше ни одной копейки не попрошу у тебя за целый месяц. Но ты понимаешь – я скоро уезжаю и долго не увижу своих ребят!

Владимир Данилович вынул из бокового кармана пиджака бумажник и отсчитал пятьдесят рублей, а потом еще двадцать.

– Хватит! – прошептала Гуля. – И на мороженое, и на карусель в Аркадии хватит.

– И даже на трамвай, – сказал отец. – Можешь звать всю компанию.

Не помня себя от радости, Гуля помчалась приглашать ребят. Она бегала из дома в дом. Кого застала во дворе, кого – на соседней улице, кого – у моря, за остальными разослала гонцов. И всем наказала строго-настрого: сбор в семь часов вечера. В Аркадии. Не опаздывать.

Вечером, еще задолго до семи часов, за круглыми столиками приморского парка торжественно расселись Гуля и ее гости. Они тихо и неторопливо, стараясь продлить удовольствие, работали ложечками, осторожно дотрагиваясь до холодных сладких шариков в запотевших стеклянных вазочках.

Парусиновые тенты над столиками вздувались от морского ветра, как паруса, обвеявая разгоряченные лица ребят прохладой.

Больше всех радовалась в этот вечер Гуля. За ее столиком было особенно шумно и весело. А когда все уселись на деревянных коней и в расписные сани и карусель двинулась под хриплые, дребезжащие звуки органчика, Гуля почувствовала себя на вершине счастья.

Отец стоял возле карусели, и каждый раз, когда дочка горделиво проплывала мимо него на белом коне, он махал ей рукой, а Гуля улыбалась ему благодарно и ласково.

Через месяц, помогая отцу укладывать вещи в чемодан, Гуля спросила:

– Папа, а у тебя довольно денег на дорогу? Ведь ты столько потратил на меня и на моих ребят!

Отец вздохнул:

– Да, да, придется мне, видно, пешком в Москву идти.

А потом похлопал ее по плечу и добавил:

– Ничего, дочка, денег у меня хватит. Ведь ты целый месяц прожила без мороженого – сдержала свое слово. Признаться, я не раз хотел тебе предложить полакомиться, да только...

– Понимаю, – прервала его Гуля. – Воспитывал меня.

– Нет, по-моему, ты сама себя воспитываешь, дочка.

В тот же день отец уехал, а скоро Гуля и сама стала готовиться к отъезду.

Варька и Василинка

Киевская кинофабрика оказалась куда больше одесской. Гуле здесь понравилось все – и мягкий голубоватый свет на съемках, который не жег глаза, и большие съемочные павильоны, и то, что на фабрике ее встретили, как старую артистку.

Режиссер разговаривал с ней так же серьезно, как со всеми другими актерами. Он подробно разъяснял каждый эпизод, в котором она должна была участвовать, каждую сцену, и Гуля стала все яснее и глубже понимать, что такое искусство актера.

А роль ей досталась на этот раз нелегкая.

Гуля должна была понять и пережить большие горести, выпавшие на долю Варьки, внучки старого шахтера.

Для того чтобы она лучше вошла в свою роль, режиссер возил ее на рудники, спускался с нею в шахты.

Затаив дыхание Гуля слушала рассказы старых шахтеров о том, как в прежние времена опасно было работать в этих плохо устроенных шахтах. Хозяева жалели денег на лучшее оборудование, и в шахтах нередко случались обвалы.

Гуля представляла себе, как страшно было родным шахтера услышать двенадцать ударов колокола. Эти удары означали, что на шахте случилась беда.

В картине, в которой играла Гуля, прозвучало двенадцать ударов.

Набросив наскоро платок, Варька, внучка шахтера (это и была Гуля), кинулась вслед за взрослыми к шахтам, чтобы узнать, на кого в этот раз обрушилось горе.

На носилках под брезентом она угадала знакомые руки, плечи, голову.

И вот Варька стоит, наклонившись над дедом-шахтером, лежащим в гробу. Стоит в том самом платке, который наспех накинула на голову, выбегая из дому.

С ужасом вглядывается она в неподвижное лицо старика, и ей кажется, что она давным-давно знает этого сурового шахтера с проседью в темных еще усах и бороде, помнит, как он нянчил ее и называл внученькой, когда она была еще маленькой.

И, совсем забыв, что она не Варька, а Гуля Королёва, она плачет горькими слезами.

Но тишину внезапно прерывает голос режиссера:

– Сначала! Повторить всю сцену!

И опять Варька низко опускает голову. Перед ней человек в гробу. Глаза его закрыты, большие усталые руки сложены на груди.

Слезы сами собой набегают на глаза Гули и крупными каплями падают на эти сложенные руки.

Как только съемка окончилась и Гуля убежала домой, актер, который играл деда, закуривая папиросу, сказал:

– А знаете, мне казалось, что я и в самом деле помер. Лежу и чувствую, как мне на руку падают настоящие слезы. Признаюсь, у меня от страха волосы на голове шевелились!

Все засмеялись.

А другой актер, которому никак не давалась его роль, прибавил:

– Удивительное дело, но при этой девчонке как-то неловко играть неискренне, фальшиво. Ты заученную роль играешь, а она тут же рядом по-настоящему страдает, боится, плачет. Как же тут фальшивить?

И все согласились с ним, что при Гуле никак нельзя играть плохо.

– Эта девочка всех нас переиграет, – сказал режиссер. – Если картина пройдет, наша Варька прославится!

Это случилось прежде, чем новая картина появилась на экранах. Варьку опередила Василинка, дочь партизана.

Когда Гуля вернулась в Одессу, она увидела на огромных рекламках, развешанных по всему городу, белокурую девочку – то верхом на лошади, то по колени в болоте, то возле белой березки.

Это была Василинка, дочь партизана. И это была Гуля Королёва.

– Счастливая! – говорили в школе новые Гулины подруги. – Вот счастливая!

А Гуля только хмурилась и сердито качала головой.

– Не очень-то большое счастье, – говорила она. – Дома только и слышишь: «не зазнавайся» да «не зазнавайся». А где уж тут зазнаваться, когда я, того и гляди, на второй год останусь. Ни по одному предмету отметки нет. Да и не так уж хорошо я играла Василинку. Вот Варька – эта, кажется, у меня вышла получше.

Но если сама Гуля не очень довольна была Василинкой, то на фабрике все-таки оценили труды маленькой артистки.

Как-то Гулю вместе с мамой пригласили туда на вечер по случаю выпуска новой кинокартины.

– Ну вот, – сказала мама, – тебе отдельное приглашение прислали. Только, пожалуйста, не зазнавайся!

Гуля положила приглашение на стол.

– Опять «не зазнавайся»? Уж лучше я туда совсем не поеду.

– Как хочешь, – сказала мама. Гуля запела какую-то песенку и стала заворачивать в чистую бумагу потрепанные переплеты своих учебников.

Когда мама уже была совсем готова, она спросила Гулю в последний раз:

– Что же, дома останешься?

– Угу, – сказала Гуля, – дома.

Мама засмеялась:

– Ладно уж, одевайся.

Гуля обрадовалась и стала наскоро натягивать через голову новое платье.

Но все-таки они опоздали.

Торжественное заседание уже наполовину прошло, когда Гуля с мамой тихонько вошли в зал и сели в задних рядах.

Гуля стала искать в толпе знакомые лица, как вдруг услышала:

– За отличную работу в фильме «Дочь партизана» Гуля Королёва, исполнявшая роль Василинки, премируется...

Гуля дернула маму за рукав:

– Мама!

Мать обернулась.

– Только не зазнавайся! – сказала она и, смеясь, похлопала Гулю по плечу.

– ...премируется портретами великих русских писателей...

– Это сколько же портретов дадут? – прошептала Гуля и стала считать по пальцам: – Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов... Мама, Жуковский великий?

– Тише, – сказала мама, – слушай дальше.

– ...портретами великих русских писателей, библиотекой, тремя настольными играми и аквариумом.

Все захлопали.

В перерыве Гуля спросила у мамы:

– Мама, а куда мы поставим аквариум? У нас ведь и так тесно.

– Если аквариум будет очень большой, попросим соседей поставить его у себя.

– Ну да, они уйдут на работу, а рыбки умрут с голоду. Как ты думаешь, мама, нельзя ли попросить какую-нибудь другую премию?

– Какую?

– Вот бы велосипед!

– Ну тогда уж у тебя совсем не останется времени на уроки. Съемки кончились, катанье на велосипеде начнется. Теперь тебе время дорого – класс догонять надо.

– Ух, тогда бы я попросила одну штуку, которая совсем не отнимает времени! Да и места мало занимает.

– Это что же такое?

– А то, что показывает время. Часы! На браслетке. Ах, мамочка, как мне нужны часы на браслетке, ты и представить себе не можешь!

– Как же не могу, когда ты мне про это целый год говоришь! Ну ладно, будут деньги – обязательно куплю тебе часы.

– Ты тоже это целый год говоришь, а часов все нет и нет.

Гуля вздохнула.

А через несколько дней ее опять позвали на фабрику, в кабинет директора.

Директор серьезно пожал ей руку и спросил у нее, довольна ли она подарками.

– Очень, очень, – сказала Гуля. – Только мне бы хотелось чего-то другого. Если можно, конечно.

– А чего тебе хочется?

– Вот если бы часики! – сказала Гуля шепотом. – Хоть самые, самые маленькие, но чтобы на браслетке!

– Отчего же, можно, – сказал директор, как будто речь шла не о часах на браслетке, а о чем-то самом обыкновенном. – Будут у тебя часы.

И в самом деле, на другой день на руке у Гули затикали часики, очень маленькие, но со всеми стрелками, винтиками и колесиками, какие бывают у настоящих часов.

– Ну теперь, – сказала Гуля матери торжественно, – у меня уже ни одна минутка не пропадет зря!

– Посмотрим, – сказала мама.

Гулины каникулы

Приближались экзамены.

– Подумать только, – говорила Гуля подругам, возвращаясь вместе с ними из школы, – подумать только, что мы должны перейти в седьмой класс! Это так странно, даже нельзя поверить. Мне кажется, что я только что была в четвертом классе.

Уже стояла весенняя погода. Ветер был теплый, упругий, весь пропитанный запахом моря и водорослей. На Приморском бульваре толпилось множество людей. Девчонки продавали первые весенние цветочки, и на солнечном припеке уже шла бойкая торговля мороженым.

Когда после долгих предэкзаменационных занятий Гуля с подругами выбегала на улицу, ей казалось, что в городе какой-то праздник и что вот-вот должно случиться что-то очень хорошее.

Экзамены сошли благополучно. За это время Гуля и думать забыла, что она была когда-то артисткой – Василинкой, Варькой, – и знала только одно: что она школьница, которой непременно надо перейти из класса в класс.

И она перешла.

А вслед за этим ее опять вызвали в Киев, где в то время начиналась работа над новой картиной для детей под названием «Солнечный маскарад».

Как на грех, погода для этой картины выдалась неподходящая. Солнце редко-редко показывалось из-за туч. Лето было дождливое, и постановщики, словно пилоты в ожидании летной погоды, то и дело с беспокойством поглядывали на небо и бранили «небесную канцелярию».

Зато радовались пасмурным дням ребята-актеры. В эти дни они были совершенно свободны, у них были каникулы, как у всех школьников.

На отдыхе Гуля придумала для себя новое занятие. Вместе со своей подругой Валею, которая тоже должна была сниматься в картине, она стала ездить в зоопарк.

Гуля всегда любила животных, но, кажется, никогда не тратила на них столько времени, как в это лето. Она стала юннаткой и даже взяла шефство над двумя маленькими медвежатами – Гришкой и Мишкой.

Она сама кормила их творогом из жестяного корытца, смотрела, как они взбираются вверх по решетке или точат зубы, грызя по очереди палочку.

Медвежата скоро стали ее узнавать, протягивали ей сквозь решетку лапы и, когда она заходила к ним в клетку, терлись об ее ноги, словно котята.

– А ты бы лучше не ходила к ним, – говорила Валя. – Они хоть и маленькие, а все-таки медведи. Как тянут тебя за ногу, так всю кожу и сдерут!

– Ну вот еще, стану я медвежат бояться! – отвечала Гуля. – Я и к волку в клетку ходила. Знаешь, к тому, к старому, с лысиной на лбу.

– К волку? – ахала и всплескивала руками подруга.

– Да что ты! – успокаивала ее Гуля. – Если волка покормить, его можно потом гладить и трепать, как домашнюю собаку, а он будет лежать на спине и от радости скалить зубы. Хоть сама проверь!

Но Вале совсем не хотелось проверять...

Солнце все не показывалось. Лето кончалось. В погоне за солнцем киностудия решила выехать из Киева.

Перед отъездом Гуля отправилась еще раз в зоопарк – попрощаться со своими медвежатами.

За лето они сильно выросли и стали похожи на медведей. Но Гуля, которая навещала их чуть ли не каждый день, не замечала этого. В последний день перед отъездом она, как всегда, вошла к ним в клетку и принялась играть с Гришкой. И вдруг она почувствовала, что кто-то тянет ее сзади за ногу. Она оглянулась. Это был второй медвежонок – Мишка. Он стоял на задних лапах, переваливаясь с боку на бок. Гуля нагнулась к миске с водой и побрызгала ему морду. Он фыркнул, отряхнулся и вдруг, видно обидевшись, так крепко обхватил Гулю лапами, что она почувствовала, как затрещали у нее косточки.

Она бросилась к выходу. Медведи – за ней. Гуля дернула дверцу – не открывается. Заперта снаружи. Да что же это такое? Кто мог запереть ее в клетке с медведями? А медведи дышат прямо ей в лицо, сопят, стараются поймать. То ли играют, то ли сердятся.

Кое-как вырвалась Гуля из тяжелых медвежьих лап и вскарабкалась по приставной лестнице, стоявшей в клетке. Оба медведя, не теряя ни минуты, полезли за ней. Вот и последняя ступенька – дальше лезть некуда.

Гуля поглядела по сторонам и, сразу решившись, спрыгнула вниз, на землю. Прежде чем медведи успели спуститься вслед за ней, она уже юркнула в кормушку и на четвереньках вылезла наружу.

– Что ж ты не кричала? – услышала над собой Гуля чей-то дрожащий голос.

Она поднялась на ноги и увидела двух своих приятелей-юннатов Клюкву и Кильку. По настоящему их обоих звали Николаями, а Клюквой и Килькой прозвали только для различия. У Клюквы были очень красные щеки, а Килька был тощ и вертляв, словно килька.

– Что ж ты не кричала? – повторил Килька. – У нас с Клюквой было условлено: открыть, чуть только ты закричишь. А ты будто воды в рот набрала – молчишь и молчишь. Мы и думали, что все в порядке.

– Это, значит, вы меня заперли?

– Мы.

– Да зачем же?

– Ну для того, чтобы посмотреть... – сказал Килька.

– Чтобы испытать твою храбрость, – перебил его Клюква. – Валька нам говорила, будто ты никого не боишься, даже к старому волку в клетку ходишь. Вот мы и хотели проверить сами...

– Проверить хотели? – сказала Гуля, еле переводя дыхание после возни с медведями. – А вот я вас запру обоих в клетку с тиграми и проверю, какие вы будете!..

– Да ты не сердись, Гуля, – сказал виновато Клюква. – Если бы ты хоть пискнула, мы бы тебя сразу выпустили, а ты молчишь.

Гуля ничего не ответила и, махнув рукой, пошла к воротам зоопарка. На повороте она оглянулась. Килька и Клюква все еще стояли на месте и о чем-то горячо разговаривали, размахивая руками.

На другой день студия выехала из Киева.

Среди отрогов Карпат, на зеленых берегах Буга ребята провели конец лета.

Куда только не заведет, не забросит киноактеров судьба!

Гуля вместе с остальными ребятами жила в белой колхозной хате, распевала по вечерам украинские песни, купалась в быстрой горной речке. Это было славное время...

Книжки, которые Гуля привезла с собой, так и лежали на дне чемодана. Только иногда, во время съемки или на отдыхе, возвращаясь с далекой занятой прогулки. Гуля с тревогой вспоминала про свои школьные дела. «Им-то хорошо, – думала она, поглядывая на взрослых актеров, – снимайся сколько хочешь – тебя на второй год не оставят. А тут неизвестно, что и делать: то ли сниматься, то ли купаться, то ли географию повторять. Э, ладно! В городе буду учить реки и горы, а здесь есть свои – настоящие!»

Но и в городе заниматься школьными делами ей не пришлось. В первый же день после своего возвращения в Киев она слегла в постель.

Сначала она прилегла на минутку, даже не раздеваясь. Ей казалось, что она просто устала с дороги. Болела голова, кололо в ухе. Ужасно хотелось пожаловаться кому-нибудь, но мамы в городе не было – уехала на три-четыре дня в командировку. А жаловаться чужим она не любила.

– Что с тобой, Гуля? – спросила ее соседка. – Ты больна?

– Нет, нет. Это я роль учу. Мне придется играть в картине больную девочку, – выдумала Гуля.

– Очень уж ты хорошо играешь эту роль, – сказала соседка. – Дай-ка я твой лоб пощупаю. Ишь ты, и температура даже поднялась!

Она укрыла Гулю одеялом и тихонько вышла из дому.

Через несколько часов Гулина мать получила телеграмму: «Приезжайте немедленно Гуля больна».

«Только бы не закричать!»

В комнате было тихо и темно. Настольную лампу мама повесила своим шелковым платком, шторы на окнах были опущены.

– Где же больная? – спросил старичок доктор, протирая очки.

Мама приподняла платок, накиннутый на абажур.

– Вот она, доктор, полюбуйтесь.

Доктор сел на стул возле Гулиной постели.

– Я так и знала, что этим кончится, – жаловалась мама, снимая повязку с Гулиной головы. – Вы подумайте, такая холодная осень, а она снималась в одном платье под проливным дождем!

– Мы этого дождя только и ждали, – сказала Гуля. – Сначала нам нужно было солнце, а потом настоящий проливной дождь.

Доктор покачал головой:

– Да, нелегкая у тебя, девочка, профессия. Очень нелегкая.

Он наклонился над Гулей.

– Отрежьте мне это проклятое ухо, доктор, – сказала она вдруг решительно.

– Это еще зачем? – удивился доктор.

– Чтобы нечему было болеть!

Доктор засмеялся:

– А если голова болит, так и голову отрезать прикажешь? Нет уж, милая, ухо я тебе оставляю, а проколоть его проколю. Легонько-легонько. Ты не бойся.

– А я и не боюсь, – ответила Гуля.

– Правда? – спросил доктор. – Посмотрим!

Утром он пришел с целым чемоданом инструментов.

– Так и в самом деле не боишься? – спросил он, поглядывая на Гулю из-под очков. – Может, вчера сгоряча прихвастнула? Температура-то у тебя была порядочная.

– И сегодня не боюсь, – сказала Гуля. – Только колите поскорее!

– Ишь ты, какая торопливая! – сказал доктор и стал раскладывать на чистой салфетке какие-то блестящие ножички и длинные иголки.

Гуля искоса поглядывала на все эти серебряные штучки и думала: «Только бы не закричать! А то сказала, что не боюсь, а вдруг как заору во все горло! Вот будет стыдно...»

– Ну, моя душенька, – сказал доктор, подходя к постели с чем-то острым и блестящим в руке, – мама тебя немножечко подержит.

– Не надо, – сказала Гуля. – Когда держат, гораздо страшнее. Я лучше сама буду держать маму за руку.

И она крепко стиснула мамину руку своими горячими от жара пальцами.

– Ну вот и все, – сказал доктор. Гуля перевела дыхание и открыла глаза.

На руке у мамы отпечатались все Гулины пальцы – пять красных пятен.

– Тебе было больно? – спросила мама.

– А тебе?

Мама засмеялась.

А доктор посмотрел на Гулю как-то особенно серьезно и ласково.

– Уважаю, искренне уважаю! – сказал он и принялся укладывать в свой чемоданчик блестящие иголки и ножички.

Когда доктор наконец ушел, Гуля сказала маме:

– Я почему-то ужасно рада. И сама не понимаю почему. Нет, понимаю. Во-первых, потому, что мне легче. Во-вторых, потому, что операция уже прошла, а в-третьих, потому, что я не кричала. Ты знаешь, ведь мне было очень больно и страшно.

– Знаю, Гуленька, – сказала мама. – И знаю, что ты у меня молодец. А теперь постарайся уснуть – тебе после операции надо как следует отдохнуть.

– И стараться нечего, – ответила Гуля. – Мне еще никогда в жизни не хотелось спать так сильно, как сейчас. Да и ты от меня отдохнешь.

И она уснула глубоко, крепко.

Так началось выздоровление.

Гуля лежала в чистой, свежей постели, умытая, веселая, с книжкой в руках. Ей радостно было глядеть в окошко и следить, как час за часом облетают деревья во дворе. Радостно было читать новое и перечитывать старое – ей казалось, что еще никогда она не понимала все так хорошо и ясно, а стихи никогда не запоминала так быстро, как сейчас.

Знакомые ребята часто навещали ее и приносили то последние цветы, то первые яблоки и груши.

Как-то раз, когда Гуля, не читая, лежала с раскрытой книгой Лермонтова в руках и без конца повторяла все те же строчки:

Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный... —

в передней раздался робкий звонок.

Дверь отворили, но долго никто не входил в комнату. Гуля слышала только чье-то покашливание и прерывистый, приглушенный шепот.

– Да что там такое? Мама, кто пришел?

– Мы с Килькой! Мы с Клюквой! – ответили из передней два голоса.

– Ну так что ж вы топчетесь? – закричала Гуля. – Входите скорей!

Они вошли и сели рядом на один стул.

– Ну, рассказывайте же! Да что вы молчите? Какие новости в зоопарке?

– Никаких, – сказал Килька. – Вот только новых змей привезли. Тропических.

– Субтропических, – поправил Клюква. – Из Абхазии.

– Сколько штук? – спросила Гуля.

– Пятьдесят четыре, – сказал Клюква.

– Пятьдесят шесть, – поправил Килька.

– Да ведь это же очень много!

– Порядочно, – согласился Клюква.

Гуля удивилась:

– А вы говорите, нет новостей! Ну, еще что?

– Старый волк умер.

– Да что вы! Как жалко!

– Зато трех новых волчат привезли. Мы взяли над ними шефство. Два тихонькие, а третий сразу удрал и загрыз двух павлинов.

Гуля даже подскочила:

– Как же так?

– Сторож недосмотрел. Его поймали и заперли.

– Кого? Сторожа?

– Волчонка!

– А вы-то что же смотрели?

– Мы смотрели в это время змей.

– Эх, вы! Не шефы, а вороны!
Килька и Клюква смущенно переглянулись.
Потом Килька со вздохом развернул газетный сверточек и вынул из него два павлиньих пера.

– Это тебе на память.
Гуля укоризненно посмотрела на ребят:
– Оставьте себе на память. Будете вороны в павлиньих перьях.
Мальчики засмеялись:
– Мы и так запомним. А ты бери. Красивые перышки!
И действительно, перья были великолепные. На одном было очко синее с золотом, на другом – зеленое.

Посидев еще немного молча, Килька и Клюква собрались уходить. В дверях они остановились.

– Да, чуть не забыл! – спохватился Килька. – У нас собрание было. Делили всех на три группы – на ударников, кандидатов в ударники и на срывщиков.

– А куда я попала? Небось в срывщики?

– Нет, в ударники.

– Да я же больна!

– Это не считается. Вот мы здоровые, а попали только в кандидаты.

– Из-за павлинов, – сказал Клюква.

– Из-за волчонка, – поправил Килька.

И они ушли.

История с географией

Гуля выздоровела.

Ее несколько раз сняли еще для картины «Солнечный маскарад» (теперь уже не на открытом воздухе, а в павильоне кинофабрики), и Гуля поехала в Одессу – в свою школу.

Незадолго до отъезда она начала заниматься, чтобы догнать класс. Но оказалось, что взялась она за дело слишком поздно. Класс успел уйти далеко вперед. И у Гули началось очень трудное время.

Ей было тем тяжелее чувствовать себя «неуспевающей» ученицей, что она была теперь у всех на виду. О ней писали в газетах, многие помнили ее по кинокартинам, и совсем незнакомые ребята на улице узнавали ее:

– Смотри, Василинка из кино!

– Верно! Она самая. Дочь партизана!

Знакомясь с Гулей, взрослые обычно говорили ей:

– А, Гуля Королёва! Как же, как же, знаем про тебя, видели. Ну, а как ты учишься? Конечно, отличница?

– Нет, – угрюмо отвечала Гуля и старалась поскорее отойти в сторону.

Из Москвы приехала в Одессу на кинофабрику журналистка. Она забросала Гулю самыми разнообразными вопросами: давно ли Гуля снимается, какие из своих ролей любит особенно, чувствует ли удовлетворение от своей работы.

– Нисколько не чувствую, – сказала Гуля.

– Ах, вот как? И ты не собираешься быть артисткой?

– Не собираюсь.

– Интересно, – сказала журналистка и стала что-то записывать в своем блокноте.

Это совсем смутило Гулю, и она перестала отвечать на вопросы. Но журналистка не отступала:

- Что ж ты молчишь? Трудно сниматься в кино?
- Трудно, – ответила наконец Гуля.
- Почему же трудно?
- Нужно стоять неподвижно, а мухи кусают за ноги.

Журналистка всплеснула руками и засмеялась. Гуля и сама не могла удержаться от улыбки.

- Ну, а как ты учишься? Конечно, отлично?
- Плохо, – сказала Гуля, и улыбка сразу сбежала у нее с губ.
- Неужели плохо? – удивилась журналистка и отодвинула блокнот.

Гуля ничего не ответила. Она не могла сказать, что учение стало для нее в последнее время больным местом.

Однажды Гуля вернулась домой из школы вся в слезах. Бросив сумку с размаху на диван, она уселась на подоконнике и забарабанила по стеклу пальцами.

- Ну вот, – сказала она, – теперь целая история!
- А что опять случилось? – спросила мама. – Какая история?

– С географией! – ответила Гуля. – Сегодня вызвали, а как я могу отвечать, если я ничего, ничего не знаю?!

- Отчего же ты ничего не знаешь?
- Да я же полгода пропустила!

И, закрыв лицо ладонями, она залилась слезами.

– Вот честное пионерское, – говорила она плача, – всю жизнь теперь буду заниматься только одной географией. Бог с ним, с кино, если от него такие неприятности!

Мать несколько минут смотрела на Гулю молча.

– Вот что, Гуля, – сказала она наконец, – давай поговорим с тобой серьезно. О чем ты плачешь?

- Если бы ты знала, как мне было стыдно сегодня на географии, ты бы не спрашивала!
- А кто в этом виноват?
- Да ведь не могу же я два дела разом делать – и сниматься и учиться!
- Ну, перестань сниматься.
- Жалко очень.
- Тогда брось школу.
- Что ты, мама! Разве это можно?
- Отчего же? Чем так учиться, как ты сейчас, лучше совсем бросить. Кино тут ни при чем. Просто у тебя нет характера.

Гуля посмотрела на мать обиженно и насухо вытерла слезы.

- Как это нет? – спросила она.
- Конечно, нет, – сказала мама. – Сколько людей на свете должны и работать и учиться.

И прекрасно успевают. А ты не успеваешь ничего. Возишь с собой целый чемодан книжек, а не можешь заставить себя открыть их. Ну, что поделаешь! Видно, придется помочь тебе.

- Как помочь?
- Взять репетитора, что ли. Пусть он тебя подтянет.

Гуля закусила губу.

– Вот пойду завтра к вашему директору, – спокойно продолжала мама, – и спрошу у него, не может ли он порекомендовать какого-нибудь студента или старшеклассника. А может быть, отличника из вашего класса.

- Нет уж, – негромко сказала Гуля и упрямо опустила голову. – Не хочу я.

– Почему же? Тебе легче будет...

– Нет уж! – повторила Гуля, решительно вставая с места. – Не надо мне репетитора. До этого дело еще не дошло.

Вторая высота

Несколько месяцев боролась Гуля с географией, историей, алгеброй, а главное – с собой.

Выучить как следует уроки на завтра, хорошо, с блеском ответить один раз было не так трудно. Но наверстать все потерянное, пропущенное, вечно догонять, догонять, возвращаться назад, учить то, что другие уже давно выучили, – для этого и в самом деле нужно было много выдержки и терпения.

Подошли экзамены.

Балконная дверь и окна открыты настежь, и в комнату доносится медовый запах лип и акаций. Совсем близко, за поворотом тихой улицы, гремит и движется море. Не так-то легко усидеть в такой чудесный день дома, особенно когда тебе всего тринадцать лет и на берегу тебя ждет лодка.

Но Гуля разложила на столе книги, на стене развесила географическую карту и вместе с подругами готовится к экзамену.

– Наша страна – самая большая из всех стран мира, – торжественно начинает она рассказывать первую главу учебника географии.

Гуля рассказывает, а подруги ее, которым она придумала смешные прозвища – Леля Пончик и Лина Блин, – тоже не теряют времени даром: Лина раскрашивает зеленым карандашом пальмы на набережной Батуми в учебнике географии, а Леля рисует на обложке алгебраического задачника портрет почтмейстера Шпекина.

Гуля строго и пристально смотрит на Лелю и Лину.

– По рисованию экзамена не будет, – говорит она, – а на географии вы провалитесь. Вы даже не слушаете, что я рассказываю.

Леля и Лина откладывают в сторону карандаши.

– Ну что ты! Как это не слушаем! Рассказывай!

Гуля крупными шагами прошла из угла в угол.

– Чтобы проехать в курьерском поезде нашу страну с западной границы во Владивосток, надо ехать двенадцать суток...

– Вот бы хорошо! – задумчиво говорит Лина. – Едешь, едешь – и никаких тебе географий...

– Ну, положим, без географии далеко не уедешь, – говорит Гуля и открывает новую страницу в учебнике. – Теперь – моря. Хочешь ты поплавать по морям, Пончик?

– Я и так буду плавать на экзамене. Рассказывай ты, а я запомню.

Гуля долго рассказывает про моря, а Леля и Лина, облокотившись на стол, слушают, как шумит за окном настоящее море.

– Выкупаться бы! – вздыхает Лина.

– Погоди, – говорит Гуля, – успеешь. Теперь – горы. Рассказывай ты.

– Я? – пугается Лина. – Я знаю только животный мир тундры.

– Сама ты тундра! Ну, не ленись, рассказывай.

– Ты начинай, а я потом...

Втроем, время от времени заглядывая в книжку, они одолевают горы.

– Жарко! – стонет Леля. – Ну пойдем хоть разочек выкупаемся. Голова свежее станет!

– Нет, – неумолимо отвечает Гуля. – Заниматься так заниматься! Надо пройти всю географию.

– Всю! Зараз! А завтра?

– Завтра будем повторять.

– А когда же купаться?

Гуля ничего не ответила.

До пяти часов вечера она продержала Лелю и Лину в комнате. Когда она наконец захлопнула книгу, они даже не поверили своему счастью.

– Неужели кончили, Гуля?

– Кончили! Теперь – к морю! Вы что – думаете, мне не хотелось купаться? Еще больше, чем вам.

И все три девочки наперегонки помчались по переулку в ту сторону, откуда доносился тяжелый, гулкий морской шум. Белая с красной полосой лодка отчалила от берега.

– Пусть она сама плывет, – сказала Гуля и, подняв весло, легла на корму.

Упругие зеленые волны мерно приподнимали и опускали лодку. Соленый ветер свежей ладонью прикасался к разгоряченным щекам девочек, трепал их волосы и воротники.

Гуля жадно глотала вкусный морской воздух.

– Ой, девочки, – сказала она, – как хорошо, как интересно жить на свете!

– Да, было бы хорошо, – вздохнула Лина, – если бы только экзаменов не было.

Гуля на минуту задумалась.

– А я люблю экзамены, – сказала она медленно. – Хотя и страшновато бывает, а хорошо.

– Гулька, ты врешь!

– Нет, честное слово, не вру. Знаете, девочки, у меня перед экзаменом такое чувство бывает, как перед прыжком в воду. И холодно и страшно, а прыгнешь – и сразу станет жарко и весело.

Леля пожала плечами:

– Ну, кому весело, а кому и не очень.

– А это от тебя зависит, чтобы было очень.

И вот наступил день экзамена. Утро выдалось какое-то особенное – синее, чистое, словно его выветрили морские ветры, омыли морские волны.

Гуля надела белое, только что выглаженное платье. Ей было приятно, что оно такое светлое, свежее – без единой морщинки, без единого пятнышка. Внимательно глядя в зеркало, она причесала волосы и пошла в школу.

Мать долго стояла у окошка и глядела ей вслед. Такая сосредоточенная и радостная уходила Гуля прежде только на съемку.

В классе было тихо и торжественно. На доске коричневыми, зелеными и голубыми пятнами пестрела огромная карта СССР.

Учительница географии Вера Андреевна, седая, спокойная, в незнакомом парадном платье, экзаменовала Гулину подругу Лелю. Ассистенты внимательно слушали еле слышимое бормотание Лели. Указка в ее руке растерянно бродила по карте, словно не знала, на чем остановиться.

– Засыпалась! – с ужасом шептала у Гули над ухом ее соседка Лина. – И я тоже засыплюсь. Ой, до чего я боюсь! А ты?

Гуля подумала: «Боюсь?» И ответила:

– Нет, не боюсь!

И когда до нее донесся голос Веры Андреевны: «Королёва!», Гуля стремительно сорвалась с места. Кто-то из ребят даже засмеялся. Но она, не оглядываясь, бросилась к столу экзаменаторов с таким видом, словно это был не стол, а барьер, который ей нужно было во что бы то ни стало взять.

Ей показалось, что Вера Андреевна посмотрела на нее как-то сбоку, опасливо и недоверчиво, и Гуля сразу вспомнила тот несчастный и позорный день, когда она стояла, опустив голову, у этой же самой «немой» карты и не могла показать ни одной реки, ни одной горы. Странное дело: тогда она и в самом деле была немая, эта большая географическая карта, и

ровно ничего, ну как есть ничего не говорила Гуле, а теперь стоило только взглянуть на нее, и она каждой своей черточкой, каждой извилиной начинала напоминать и подсказывать.

– Возьми билет, Королёва, – сказала Вера Андреевна.

Сердце у Гули екнуло и на мгновение остановилось. Она поглядела на одинаковые клетчатые листки бумаги.

«Который же из них мой? Ну, пусть этот – третий слева».

Она развернула билет и громко прочла:

– «Восточно-Сибирская часть СССР».

И сейчас же память послушно открыла перед ней ту самую страницу учебника, на которой было написано:

«Восточно-Сибирская горная страна расположена между рекой Енисеем и берегами Тихого океана».

И, сделав над собой усилие, чтобы не говорить по учебнику слово в слово, Гуля, не переводя духа, принялась рассказывать.

Длинная деревянная указка, следуя за ее рассказом, легко скользила по карте, то обрисовывая черные извилины рек, то обводя голубые окошки озер.

Вера Андреевна слушала ее сначала с тревогой, потом с удивлением, потом с какой-то особенной, задумчивой улыбкой. Когда Гуля на минуту опустила указку, Вера Андреевна посмотрела на своих ассистентов горделиво и вопросительно. Казалось, она хотела спросить их: «Видите, какова?»

– Очень хорошо! Очень хорошо! Отлично! – в один голос сказали ассистенты.

И Гуля, положив указку на стол, тихонько пошла на свое место. Щеки у нее горели, а губы сами собой продолжали шевелиться – должно быть, они все еще рассказывали что-то про Восточную Сибирь.

Домой она влетела как буря.

– Мама! «Отлично»! – крикнула она еще с порога.

И вдруг, словно пораженная какой-то неожиданной мыслью, Гуля замолкла и села у стола, опустив голову на руку.

– О чем ты, Гуленька? – спросила мама.

– Не знаю, как тебе сказать, – ответила Гуля задумчиво. – Грустно немножко.

– Грустно? – удивилась мама. – Отчего же? Ведь ты сегодня победительница.

– Да нет, не грустно. Я не так сказала. Пусто как-то. Вот понимаешь, столько дней я спешила, гнала, боялась не успеть. А теперь будто с поезда на ходу спрыгнула. Приехали! Некуда дальше.

Мама покачала головой:

– Что ты, Гуля! Какое там приехала – твоя дорога только начинается. Разве ты сама не чувствуешь?

– Да, конечно, – сказала Гуля. – А знаешь, мама, сегодня на экзамене мне почему-то вспомнилось, как я барьер брала. Помнишь, в «Дочке партизана»? Сивко меня чуть не сбросил тогда. И сбросил бы, если бы я на него не рассердилась как следует.

– А теперь ты на кого рассердилась?

– На себя... Шутка ли сказать, до того дошло, что ты мне чуть-чуть репетитора не наняла! Репетитора!..

– Это я тебя только пугала, Гуля.

– Хитрая, знала, чем пугать. Ну вот, я испугалась да со страху и расхрабрилась. Взяла второй барьер.

– Этот барьер, Гуленька, повыше прежнего. А дальше будут и еще выше.

– И те возьмем! – закричала Гуля и вдруг подбросила свернутую трубкой карту до самого потолка.

– Тише, Гуля, что за неуважение к географии!

Гуля ловко подхватила сверток на лету.

– Нет, я ее уважаю, я ее обожаю. Только до осени я спрячу все эти карты куда-нибудь подальше! Да и учебник заодно.

Письма отовсюду

Однако же и карты и учебник географии опять понадобились Гуле. И даже очень скоро.

У нее завязалась самая удивительная переписка, в которой было бы нелегко разобратся, если бы под рукой не было карты СССР и старого, заслуженного учебника географии.

На имя Гули по адресу кинофабрики со всех концов нашей страны стали приходить бесчисленные письма. Гуля подолгу рассматривала карту, отыскивая области и города, откуда эти письма приходили.

...«Дорогая, уважаемая артистка Гуля! Картину, где вы играете, я смотрел с ужасным волнением. Да не я один, а все мои товарищи – красноармейцы Дальневосточной. Может, вы бы смогли приехать сюда к нам, посмотреть, как мы, дальневосточники, живем здесь, среди сопок? Скоро кончается мой срок, и я вернусь в свой колхоз Воронежской области. Если не успеете сюда приехать, то приезжайте обязательно тогда в наш колхоз. Увидите, какая у нас там стала замечательная жизнь. Я вам все покажу. Хозяйство у нас стало справное, вздымаем его очень высоко. А пока до свидания, дорогая, уважаемая артистка Гуля. Остаюсь ваш неизменный друг».

Гуля смотрела на окраину нашей страны – Дальний Восток – и думала о том, как это странно и удивительно, что так далеко, так страшно далеко, кто-то знает о ней, ученице одесской школы.

Потом она отыскала на карте Воронежскую область и решила, что обязательно поедет когда-нибудь погостить в этот самый колхоз, в котором построена такая замечательная жизнь.

Но, распечатав второе письмо, третье, четвертое, Гуля растерялась. Ее звали в гости и в город Сумы, и в Полтаву, и в далекий Ташкент, и в Архангельск... Комсомолец из города Сумы писал Гуле, что она «очень аккуратно справилась со своей ролью» и что если она будет и дальше работать над собой, то, наверное, станет народной артисткой.

И каждый, кто писал Гуле, рассказывал что-нибудь о себе, о своей жизни.

Читать эти письма было необыкновенно интересно и увлекательно.

Но особенно озадачило ее письмо, полученное с Тихого океана от моряков-комсомольцев. Они писали Гуле, что во время плавания нашли у себя на корабле в красном уголке газету с Гулиным портретом. По тону письма видно было, что они, как и многие другие, принимали ее за взрослую актрису, играющую роль девочки. Они просили товарища Королёву, молодую, талантливую артистку, рассказать им подробно о жизни артистического мира, о своих творческих замыслах, о картинах, в которых она участвовала или собирается участвовать.

Прочитав это письмо, Гуля задумалась.

– Мама, – сказала она, – посоветуй, как мне на него ответить.

– А что?

– Да ведь они думают, что я взрослая. Да, да, взрослая! И хотят, чтобы я написала им про артистический мир и про творческие замыслы. А что я могу им про это написать?

– Ничего, – сказала мама. – Напиши им попросту, сколько тебе лет, в каком ты классе – и никаких творческих замыслов. А если будешь притворяться старше и умнее себя, письмо выйдет глупое.

Гуля так и сделала. Она написала морякам подробное письмо о своей жизни, о школе, о последних экзаменах, о том, что давно уже не снимается в кино. Сбоку она приписала:

«Правда ли, что на военных кораблях всегда бывают любимцы моряков, какие-нибудь зверята? Нет ли у вас на корабле какого-нибудь медвежонка или лисенка? Я старая юннатка и очень люблю всяких животных, начиная от ежей и белых крыс и кончая слонами».

В ответ Гуля получила сразу несколько писем. Со всей серьезностью и уважением моряки писали «старой юной натуралистке» о жизни на корабле, о том, какие диковинные морские животные, похожие на цветы, водятся на дне Тихого океана, о том, какая удивительная жизнь идет на морском дне.

К сожалению, ни медвежат, ни лисиц, не говоря уже о слонах, на корабле не оказалось. Из всех представителей животного мира на корабле был только один, и то самый обыкновенный – кот Васька. Он был замечателен только тем, что дважды совершил кругосветное путешествие и поймал мышь на острове Куба.

– «Тихий океан», – читала Гуля, стоя у карты, название, выведенное на огромном пространстве, которое было окрашено в бледно-голубой цвет. – «Остров Куба».

И, думая о советском корабле, пересекающем океан, Гуля уже мечтала о том, чтобы поскорее вырасти и тоже отправиться в далекое путешествие.

Ее мечта сбылась прежде, чем она ожидала. Правда, ей предстояло ехать не так уж далеко, всего только в Крым, но и эта поездка при некотором воображении могла сойти за настоящее путешествие.

Артек

«Дорогой папочка, у меня огромная радость – я еду в Артек! Это награда за кино, а также за то, что я хорошо перешла в восьмой класс...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.